

Александр Смирнов
Опричник

Александр Смирнов

Опричник

«Издательские решения»

Смирнов А.

Опричник / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903409-0

Сначала раздался колокольный звон. Кто-то бил в набат, затем с улицы донесся шум. Зарубин прекратил чтение катренов. Он закрыл книгу, предварительно, положив гусиное перо, что служило закладкой, между страниц. Встал и подошел к окну. В небольшую щель Семенов разглядел огромную толпу в пестрых одеждах с факелами в руках.

ISBN 978-5-44-903409-0

© Смирнов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Опричник

Александр Смирнов

Иллюстратор Карл Федорович Гун

Иллюстратор Энтони Дженкинсон

Иллюстратор Эдуард Деба-Понсан

Иллюстратор Себастьян Мюнстер

Иллюстратор Оронс Фине

Иллюстратор Алексей Кившенко

Иллюстратор Hans (Master of the Karlsruhe) Hirtz

Иллюстратор Даниэль Хопфер Старший

Иллюстратор Мельхиор Лорк

Иллюстратор John Cary

© Александр Смирнов, 2018

© Карл Федорович Гун, иллюстрации, 2018

© Энтони Дженкинсон, иллюстрации, 2018

© Эдуард Деба-Понсан, иллюстрации, 2018

© Себастьян Мюнстер, иллюстрации, 2018

© Оронс Фине, иллюстрации, 2018

© Алексей Кившенко, иллюстрации, 2018

© Hans (Master of the Karlsruhe) Hirtz, иллюстрации, 2018

© Даниэль Хопфер Старший, иллюстрации, 2018

© Мельхиор Лорк, иллюстрации, 2018

© John Cary, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3409-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карта Ордынской империи 1562 года. Гравер Энтони Дженкинсон.

Пролог

Историю пишут победители, поэтому в ней не упоминаются проигравшие.

Артур Дрекслер

Эдуард Деба-Понсан. *Утро у ворот Лувра*. 1880.

24 августа 1572 года. Варфоломеевская ночь

Зарубину не спалось, не смотря на выпитое вместе с Франсуа – Анри – Полем графом д'Мане вино. Что-то тревожное летало в воздухе в эту летнюю ночь. Казалось, что по улицам, таким узким, что двум телегам на них не разъехаться, гуляла старуха смерть. Утреннее покушение на адмирала де Рюши, было тому свидетельством.

Семен при свече восковой свечи увлеченно читал книгу Мишеля Нострадамуса, то ли пророка, то ли шарлатана. Написанное постороннему могло показаться выдумкой, но опричник прекрасно понимал, что это правда. Слегка приукрашенная, но, правда.

Семен оторвался от книги и взглянул на спящего графа д'Моне. Тот посапывал в постели, прикрывшись пестрым покрывалом. Вряд ли пришелец из новых земель поймет текст. Расстояние между континентами образовало разрыв между культурами ордынской империи. При этом разрыв был на много сильнее, чем между центром и Францией, дальней провинцией империи, в которой опричник вынужден был сейчас находиться.

Шпага графа лежала на столе, рядом с огромной луковицей и бутылочкой анжуйского.

Оружью не место, но Зарубин не стал делать замечание представителю Нового Света, вполне возможно у них это входило в норму. Из-под подушки торчала рукоять пистоля. Такое ощущение, что граф собирался в случае непредвиденной ситуации сразу же выхватить его и пустить в дело. Семен сдержал улыбку, когда пьяненький Франсуа, проделывал нехитрую операцию.

Сначала раздался колокольный звон. Кто-то бил в набат, затем с улицы донесся шум. Зарубин прекратил чтение катренов. Он закрыл книгу, предварительно, положив гусиное перо, что служило закладкой, между страниц. Встал и подошел к окну. В небольшую щель, Семенов разглядел, огромную толпу в пестрых одеждах с факелами в руках. Все в этой толпе были вооружены. У кого пистолы, у некоторых – пики, у десятерых, по крайней мере, насчитал Зарубин, мушкеты. Пятеро вооружены шпагами, оружием не надежным и в Золотой Орде

в основном не используемым. Трое с алебардами. Кроме того все головные уборы украшены белым крестом, явно пришитым наспех.

– Что тут такое происходит? – Прошептал Семен и только в это мгновение заметил, как из дверей трактира к приближающейся толпе выскочил Ля Юрье. Первое, что бросилось в глаза ордынцу – это надетая на трактирщика широкополая шляпа с белым крестом.

Ля Юрье подскочил к вооруженным людям, что-то залепетал и рукой указал на окно, за которым скрывались приятели. Предводитель отдал распоряжение, и группа тут же разделилась. Несколько человек, из которых: двое вооружены шпагами, пятеро с пиками и один с мушкетом направились в сторону трактира, у двоих в руках пистолеты. Семен насчитал тринадцать человек.

– Не иначе по наши души, – проговорил Зарубин, отходя от окна.

Взял сумку, что висела на вбитом в стену гвозде, сложил в нее обе книги, и уже подумал было разбудить графа, когда в дверь настойчиво постучались.

– Кого еще черт принес, на ночь глядя? – Спросил Семен, доставая пистолет.

– Это Ля Юрье, господин, – раздался голос трактирщика. – Я хотел перекинуться парой слов с вами.

– Приходите утром, тогда и поговорим, – молвил ордынец, вытаскивая из ножен шпагу. – А сейчас мы с моим приятелем желаем отдохнуть.

За дверью зашумели. Затем кто-то со всей силы ударил в дверь, так что та задрожала.

– Открывай ханский пес! – раздался чей-то незнакомый голос.

– Я никого не жду, господи, – проговорил Зарубин, беря в одну руку пистолет, а в другую шпагу. Бросил взгляд на д» Мане. Граф так крепко спал, что казалось, ничего не слышал. – Приходите утром, господи, и я с удовольствием отвечу на ваши вопросы и удовлетворю все ваши претензии ко мне.

Дверь явно не выдержит долгой осады. Огляделся, заметил стоящий рядом с дверью комод. Встал, подтащил, ограничивая доступ в помещение. Теперь много времени понадобится, чтобы взять их.

– Надеюсь, это их задержит, – прошептал Семен.

Удастся им продержаться до утра, а там глядишь уедут в родные края. Он в Ярославль, а его товарищ в Ямарику.

Удар в дверь. Били пока кулаками.

– Нет, через дверь не прорваться, – прошептал ордынец, и подскочил к окну. Распахнул ставни и посмотрел на улицу. Вдохнул. – Что же такое происходит? – Задал сам себе вопрос Семен. То, что он увидел снаружи, ему не понравилось. Казалось, то, что точно такое происходит по всему городу. Где-то в районе собора Парижской богородицы вспыхнуло багровое зарево. – Да, что же такое.

Оставалось только одно – выиграть время. Принять решение. Живым, по крайней мере, ему не выбраться. Ноги унести отсюда сможет только один. Зарубин взглянул на спящего графа и понял, что счастливым должен стать д» Мане. Все же, происходящее сейчас там с наружи их ордынские разборки. До Ямарики они не докатились, а это как минимум, хорошо. Неожиданно в голове мелькнула мысль, а что если книгу адмирала Рюши спрятать именно в Новом Свете.

После неудачных попыток вновь за дверью затихло.

– Нет, нет. Стоите не стреляйте. Я сам поговорю, – раздался вдруг голос Ля Юрье. Зарубин улыбнулся, трактирщику явно было жаль своего имущества, и расставаться с прекрасной дверью тот не собирался. – Отрывай ханский пес!

– А вам-то я что сделал, милый хозяин? – Спросил Семен: – Вроде стряпню вашу не ругал. За проживание заплатил вплоть до копейки. Был с вами вежлив, а вы сразу ханский пес?

– Твоя вина в том, что ты родился – казаком. – Раздался незнакомый голос.

После чего в дверь, которая на удивление оказалась крепкой, посыпались мощные удары, по всей видимости, прикладом мушкета.

– Эвон как!

И тут граф д'Моне проснулся.

– Вставайте граф! Нас ждут великие дела! – Воскликнул Зарубин: – Слышите. Колокола на соборе пресвятой девы Марии вот уже бьют минут десять. Кажется, его сиятельство адмирал колонии Гаспар оказался прав. То, что он предрекал – началось. С книг с новые догмы веры вроде все-таки перешли на людей. Так что берите свои пистолеты и присоединяйтесь.

Граф д'Моне вскочил, как ужаленный с кровати. Казалось, что он не ожидал такого развития событий, а может быть и не предполагал, что это коснуться и его. Быстро натянул штаны, что аккуратно были сложены на стуле. Накинул курточку. Застегивать не стал, отчего выиграл несколько секунд. Взял один пистолет со стола, вытащил оружие из-под подушки, убедился лишний раз, что оба заряжены. Первый тут же последовал за пояс. Второй оказался в левой руке, а в правой шпага.

Зарубин оглядел товарища и полюбопытствовал:

– А у тебя, граф, что нет кольчуги?

Кольчугу как-то Федор Меншиков, а под именем Франсуа – Анри – Поля графа д'Моне скрывался именно он, позабыл прихватить в будущем. Посчитал, что для обычной увеселительной прогулки она вряд ли понадобится. Ведь собирался сюда на несколько часов, а задержался почти на сутки. Кто ж знал, что в этом забытом богом городе не окажется несколько корзин с отменным анжуйским вином. Нашлось несколько бутылок, да и те были тут же уговорены с новым приятелем. Тяжело вздохнув, подумав, что не оценил все возможные варианты истории. Сдержался, не выругался, а ведь был повод. Такого варианта, что развивался сейчас, московские математики как-то не предусмотрели. Они ведь предполагали, что Варфоломеевская ночь, это месть ордынцев за прегрешение восставшего народа, а оказалось все как раз наоборот. В Париже в эту ночь резали именно казаков. И они с Зарубиным были в числе тех, кто должны были умереть.

– Так я это не думал... – пролепетал Федор.

Семен сделал ему несколько замечаний, благо ситуация позволяла еще расслабиться. Дверь, которую так и норовили сорвать с петель, все еще держалась. Казак представил, какое было сейчас лицо у Ля Юрье. Вдруг все замолкло и приятели переглянулись. И тут вновь раздался голос трактирщика:

– А, что если нам господа не удастся выбить дверь...

– Не расстраивайтесь, метр Ля Юрье, – перебил его грубый басистый голос, – граф Марине, личный телохранитель герцога Гиза, и не такие двери вышибал, – он расхохотался, – ломайте дверь, братья. Там два ордынца, и они, – тут раздался рык, словно за дверью стоял не человек, а сам сатана, – достойны смерти. Шарль, Себастьян, найдите, что-нибудь потяжелее. Ведь должно же что-то такое быть в вашем доме, Ля Юрье.

С той стороны послышался топот. Потом прозвучали радостные возгласы, и уже через несколько минут чем-то тяжелым ударили в дверь. На мгновение обоим приятелям показалось, что она поддалась.

– Опаньки, – улыбнулся Зарубин, – я погляжу, нас штурмует ни кто иной, как Мишель Паране граф Марине, человек, стрелявший в адмирала. Я о нем слышал, но не видал. Значит, скоро увидим.

Еще раз подошел к окну и посмотрел вниз. Кроме сточной вонючей канавы, куда стекались нечистоты из соседних домов, внизу теперь никого и ничего не было. Все кто пытался взять их штурмом, теперь находились в здании.

А между тем штурм комнаты продолжался. Причем ситуация стала меняться и явно не в пользу ордынцев.

Удар. Еще удар. Дверь затрещала и накренилась в комнату. У самых косяков стала сыпаться штукатурка. Зарубин взглянул и произнес:

– Боюсь! Дверь не выдержит.

И она начала падать. В образовавшийся проем, Зарубин выстрелил. Проход окутало дымом. С той стороны послышалась брань и кто-то упал.

– Ханская собака! Ты за это ответишь! – Взвыл граф Марине.

Тут же прозвучал второй выстрел. Комнату еще сильнее заволокло дымом, Меншиков, а стрелял именно он, закашлял. Зарубин откинул, за ненадобностью в сторону пистолет, и со словами:

– Спасайте книгу граф, я их задержу!

Кинулся в образовавшийся проем. Второй раз Федор не решился стрелять, опасаясь, что сможет случайно ранить приятеля. На мгновение путешественник опешил, затем схватил сумку Зарубина, накинул на плечо.

– Не связывайтесь, граф. Уходите, бегите, спасайте книгу. – Раздался голос Семена.

Федька кинул взгляд в проем, где его приятель уже убил двоих. На мгновение заколебался, не зная, то ли бросится на помощь к приятелю, то ли выскочить в окно.

– Это приказ, граф! – Вновь прокричал Зарубин.

Семен видел, как замешкался Франсуа. Испугался на мгновение, что тот совершит глупость. Он и один справится. Нужно было спасать книгу, и Семен был обязан это сделать. Хотя бы таким способом. Он ведь слово дал адмиралу. Слово казака!

Рядом пролетел стул и ударился в Ля Юрье. Стоявший в стороне трактирщик взвыл. Пошатнулся и упал.

– Браво, граф! – прокричал Семен, глядя как д'Мане вскочил на стол.

Зарубин видел, как тот осенил себя двуперстным крестом и спрыгнул вниз. Семен понадеялся, что тот отделался легким ушибом в худшем случае. Облегченно вздохнул, понимая, что книга в надежных руках.

– Теперь и умереть с чистой совестью можно.

Внизу на первом этаже раздался шум. Кто-то закричал. Зазвучали выстрелы. Понять, что там происходило было сложно. Поднявшийся с колен трактирщик Ля Юрье, начал медленно отходить, пятясь к лестнице. Затем бегом спустился вниз. Уже оттуда до Зарубина донесся голос трактирщика:

– Демон! Сгинь!

Чувствовалось, что что-то сильно напугало Ля Юрье. Затем последовал стук и что-то упало. Семен понял, что, скорее всего, это был трактирщик. Как бы ни любопытно был, но Зарубин вынужден нанести еще несколько ударов шпагой и начать отступление в комнату. Пользуясь тем, что враг оторопел от происходящего на первом этаже, а оттуда донеслась стрельба, Семен вскочил на комод. Взглянул на противника и спрыгнул в комнату.

Он уже стал в позицию и приготовился к отражению атаки, как вдруг с той стороны раздались выстрелы и в проеме появились двое.

– Я готов, господа, – молвил Зарубин.

– Боюсь, что все кончилось, – раздался знакомый голос.

Семен вздрогнул. Казалось, что он уже его слышал. Причем недавно. Зарубин уже понял, кому тот мог принадлежать, вот только этого не могло быть. Человек, что стоял справа, снял со стены лампу и поднес к лицу.

– Не, узнаете меня, князь? – Спросил он.

– Граф Франсуа-Анри-Поль д'Моне? Откуда вы здесь? – прошептал Семен и понял, что теряет сознание.

Сашков с Меншиковым отодвинули комод в сторону и вошли в комнату.

– М-да, не ожидал такой реакции, – проговорил Федор.

– А что ты ожидал? – Усмехнулся Александр. – Только что выскочил в окно, и уже через мгновение с улицы ворвался в трактир, да еще и не один. Ладно, ворвался, так еще с шумом.

Сашков склонился над Зарубиным. Пощупал пульс, оглядел его. Убедился, что нет ран. Затем запихнул руку в карман камзола и извлек маленький пузырек и поднес к носу Семена. Князь пришел в себя. Увидел Меншикова и прошептал:

– Но, как?

– После, князь. После. Я все объясню после. Нужно уходить. Адмирал мертв. Гугеноты во все режут, словно скот, православных-кафоликов.

– Мы должны... – прошептал Зарубин, но Федор его перебил:

– Увы, но мы не сможем ничего сделать. Нужно уходить. Когда покинем город вы, князь, сами решите, как вам поступать. Мне же кажется, что сейчас в этой бойне умирать вам еще рано.

Глава 1

Карта Московии Гесселя Герритса, по материалам Фёдора Годунова.

Июль 201... года. Псков.

Из дневника Александра Сашкова.

«Вот, наконец, собрался и завел себе ежедневник. Давно пора было это сделать. Федор, конечно, отговаривал, но мне удалось настоять на своем. Мой приятель опасается, что записи эти могут попасть в нехорошие руки и тайна машины времени будет раскрыта. Вот только я подозреваю, что как таковой тайны просто в будущем не будет существовать. Все равно кто-нибудь да наткнется на принцип действия механизма перемещения, ведь сделали же это когда-то Федька да Мишка. Жаль, конечно, что тогда у них не заладилось. Вернее, правильнее сказать, плохо, что после первого своего путешествия Менишников испугался. Да, то и понятно, Пулятин же на святое замахнулся историю изменить, подправить так, сказать. Вот только мне почему-то все это время кажется, что кто-то и так ее без нашего ведома правит. Вот взять те же события шестнадцатого века (события я буду здесь указывать по традиционной хронологии). Ведь не мог же мятеж вот так вот одновременно вспыхнуть по всей Европе. Хотя правильнее было бы сказать по всему тогдашнему миру. По всей Великой ордынской империи. Явно, что за этим кто-то стоит. Тайный невидимый. Может быть, даже не какой-то определенный человек, а целая организация, способная провернуть такую авантюру, как смута. И не просто поступить наобум, не зная какой эффект после этого последует. А найти сторонников развала такой огромной империи как Монгольская – было не сложно. Чего уж далеко ходить, вон ведь американцы

СССР подтолкнули к пропасти. А всего-то достаточно создать в прошлом организацию, которая будет контролировать жалкие умы тогдашних политиков. Нет, по возможности нужно бы вычислить кто это и ради чего им нужно. И сделать это не отсюда, изучая различные документы, а на месте. Благо такая возможность есть. Сложность лишь только в том, как мне уговорить Менишкова отправиться в прошлое, да прожить в том диком мире, подвергаясь постоянной опасности, ну как минимум год...»

Меншиков вот уже неделю возился в ангаре, возясь с самолетом. После последнего путешествия в район города Череповца ее нужно было довести до ума. Федька опасался, что когда-нибудь кто-нибудь более продвинутый, чем те бандиты, что напали на него зимним вечером 2006 года, сообразят, что к чему и воспользуются неизвестным им механизмом в нехороших целях. Сашков как-то заикнулся, что может быть стоило бы ее просто разобрать, но Меншиков, вновь вернулся к своему увлечению. Тот голос отчаяния, когда в Череповце он кричал, что уничтожит машину во чтобы, то ни стало, оказался всего лишь обычным криком души. Да и понять его Александр мог. В тот момент Меншиков был на грани отчаяния, считая, что самолет ему так и не удастся найти. Память, которую он потерял во время удара по голове арматурой, возвращалась медленно. Когда вернулись в Псков, он сразу же отправился модернизировать агрегат. Анастасия только руками развела, и разубеждать не стала. Только в тот же вечер, когда она осталась с Сашковым наедине, отложив свои дела в сторону, с другом Меншикова провела беседу.

– Знаешь, Шурик, – произнесла она, – я конечно и родилась в восемнадцатом веке, но прекрасно вижу, что вы мужчины за двести с лишним лет так и не изменились. Такие же отчаянные авантюристы, как и были. Прыгаете в неизвестность – ничего не опасаясь. Вон ведь Федор вроде в неприятности угодил. На волоске от смерти был, а все равно к своему вернулся. Я с ним, пыталась говорить, а толку.

Александр прекратил кушать и удивленно взглянул на супругу приятеля.

– И что же ты, Настя, от меня хочешь?

– Проследи за ним. Ты куда более прагматичный человек, чем Федор. Прежде, чем на что-то решиться все хорошенько взвесишь, обдумаешь и лишь только, потом начинаешь действовать.

Сашков усмехнулся. О себе он явно такого никогда бы ни сказал, но видимо со стороны виднее. Вот и сейчас, слушая девушку начал вспоминать, как познакомился с Федором.

Случилось это на первом курсе, когда он столкнулся с ним в коридоре Московского государственного университета. Попытался извиниться, но не получилось. Меншиков неожиданно затребовал, чтобы тот принес ему извинения в письменном виде. Александр тогда обиделся, инцидент, и яйцо выеденного – не стоил, так ведь нет. Брякнул, не подумавши, чтобы разрядить обстановку:

– Пистолеты, шпаги.

Федька тогда смехом озарился. Хохотал минуты две, потом успокоился и произнес:

– Будем теорему доказывать. Кто докажет тот и победил.

Сашков улыбнулся. Рассчитывал, что победит, а оказалось, что не все так просто, как выглядело на первый взгляд. Математик, неожиданно проиграл историку. Причем в присутствии приятеля того Мишки Путятина.

– Ты уж не расстраивайся, – сказал Федор, касаясь рукой его плеча, – мы ведь с Мишкой не просто с исторического факультета.

Александр удивленно взглянул.

– Мы ведь с ним и математикой увлекаемся. Изредка лекции Носовского посещаем. Интересуемся теорией определения дат по гороскопам. – Пояснил Федор, а затем кивнул

в сторону Мишки и добавил: – это он меня втравил. Ну, а как изучать гороскопы без математики. Мы же с ним не рассчитывали, что все это взаимосвязано.

В те времена оба приятеля к теории Фоменко с Носовским приятели относились скептически. Считали, что математикам не следует заниматься не своим делом. И все это до поры времени, пока сами не создали, взяв за основу определение дат по гороскопам, машину времени. Первое путешествие и все их взгляды на историю прошлого полетели в тартарары. Но произошло, это через три года, после окончания МГУ.

Приятели в Псков уехали, а он в Подмосковье остался. Когда Федька, по пьяни о путешествиях в прошлое проболтался, долго думал, прежде чем со своей стабильной работой расстался да к нему и рванул. Все прикидывал, а как будет жить, не ходя слегка опостылевшую работу. Наконец решил, другие то как-то живут, собрал вещи да и рванул к Федору на ПМЖ.

– Шурик, – вдруг раздался голос Анастасии. Сашков взглянул на нее. – Ты меня слушаешь? – Александр кивнул. – Хорошо, но я все же – повторяюсь. Ты человек прагматичный и уследишь за своим другом. Я бы и сама с ним в путешествия отправилась, да вот только у Федьки какой-то сдвиг. Знаешь, что он мне заявил?

– Откуда.

– Заявил, что баба на корабле к несчастью. Я что, по его мнению, баба?

– Ну, это выражение такое, – попытался оправдаться Александр, но Анастасия не унималась:

– Я дочь известного князя и вдруг баба. Да как он смеет.

Сашков ударил кулаком по столу и заставил замолкнуть дворянку.

– Довольно. Ясно, что не баба, да вот только сейчас вела ты себя не как дворянка. Так и быть, прослежу я за ним. Глядишь, он когда-нибудь поумнеет и откажется от немецких принципов.

– Это, каких же?

– Ребенок, кухня, церковь.

Анастасия рассмеялась.

– Пусть он у меня попробует так думать. Я ему устрою бабу на корабле.

От дворянки, что прибыла с ними из эпохи Елизаветы Петровны, почти ничего и не осталось, отметил про себя Сашков. Прошла акклиматизация. Адаптировалась девушка под современные реалии достаточно быстро. Поняла, что в двадцать первом веке женщины имеют те же права, что и мужчины. Александр думал, что Меншикова это расстроит, так ведь нет свыкся.

Вот и сейчас его появление, не вызвало у обеих никакой реакции. Взглянули на чумазого Федора и все, а тот рукой махнул и направился в ванную.

– Устал до чертиков, – пробормотал он. – Но вроде все сделал.

– Уничтожил машину времени? – Уточнил Александр.

– Сейчас. Делать мне больше, что ли нечего. – Фыркнул и закрыл за собой дверь.

Сашков встал с дивана и подошел к книжному шкафу.

– Видишь, Настя, он от своей идеи никогда не откажется. Все равно будет совершать путешествия в прошлое. Раньше из интереса, потом по моей просьбе, а сейчас он подсел окончательно. – Александр тяжело вздохнул: – Да и меня втянул.

Если бы Федор слышал сейчас все это, то точно заявил бы:

– Это еще кто кого и втянул. Я может после первого нашего путешествия с Мишкой, машину эту уничтожить хотел, так ведь нет. Спьяну все тебе рассказал. А там Австралия 15 века, затем Франция времен Людовика солнце, ну, и так далее. Не ты бы занимался исследованиями...

Ну, и прозябал бы в рутине, отметил Сашков. Был бы не счастлив и, в конце концов, не встретил женщину своей мечты, которой была – Анастасия.

Меншиков вышел из ванной, подошел к столу, где стояла ваза с фруктами, взял яблоко. Надкусил, подмигнул и молвил:

– Сделал. Теперь нашу машину ни один козел не обнаружит случайно.

– Опаньки! – Хихикнул Сашков: – Это что-то новое. Но, что-то я не слышал ничего о приборе невидимости. Да и о краске со свойствами мимикрии тоже.

– Ты и о машине времени не слышал, – обиделся Федор.

– Слышал, когда книги фантастические читал. – Шурик задумался. – В первый раз еще в школе, когда прочитал роман Герберта Уэллса.

– Краски конечно нет. Да и прибора невидимости тоже нет. Зато усовершенствованная радио-сигнализация существует. Видишь ли, для интернета и прочих нано технологий нужны условия, а их в прошлые эпохи просто не было.

То, что к нанотехнологиям Меншиков относился скептически, Сашков знал давно. Ведь после МГУ его вместе с Путятиным в Сколково приглашали, да вот только они отказались.

– Айпады, да разную хрень, что уже изобретена я не желаю, – как-то в разговоре сказал Федор, – знаю я этих «ученых» занимаются отмыванием народных средств. До меня тут дошли сведения, что собираются они рассчитать, как сажать деревья.

– Для этого ученые не нужны, для этого достаточно дизайнеров, – добавил Мишка.

Потом уж Сашков прочитал, что в 2011 году специалисты из Сколково предложили для Череповца сделать расчеты по озеленению усадьбы Гальцких. Сами вышли на тогдашнего мэра с предложением. Вот и занимались ученые, то изобретением уже существующих приборов, то дизайном садов, а то и просто выдумыванием новых терминов.

– Так вот датчик будет сигнализировать нам о приближении посторонних к машине, – продолжал между тем Федор.

– А ты успеешь добежать до машины, если будешь в нескольких километрах от нее? – уточнил Александр.

– А ведь верно, – согласился Меншиков, – можно конечно поставить установку, чтобы машина времени перемещалась во времени без человека, так неизвестно, что сможет произойти. Да и в какой реальности нам ее потом искать? Придется еще покумекать, – расстроено проговорил он.

– Ты уж этим завтра займись, – проговорила молчавшая все это время Настя. – С утра ведь ничего не ел.

– И то верно.

Наконец Сашков выбрал книжку. Вытащил из шкафа и сунув под мышку произнес:

– Я к себе. Книжку вот хочу почитать.

– Уэллса? – Хихикнул Федор.

– Сам ты Уэллса. Вот Мурада Аджи. «Дыхание Армагеддона».

– Нашел, что читать, – проговорил Меншиков, – шарлатан. Проповедующий теорию... – Задумался, пытаясь вспомнить название, наконец, махнул рукой: – Впрочем, не важно. Фольк-история, и заметь доказанная нами же, что не соответствует реальности. Вот лучше бы фантастику, какую взял, но дело твое.

Сашков уже хотел выйти из комнаты, но Федор его остановил:

– Впрочем, что-нибудь дельное всегда отыщешь.

На следующий день Анастасия по делам уехала в Санкт-Петербург, и приятели остались вдвоем и у Александра появился шанс поговорить с Федором. Утром, когда Меншиков уже собирался отправиться к машине времени, он остановил его и произнес:

– У меня к тебе предложение...

– О нет, Шурик. Помню, чем твои предложения заканчивались, – сказал Федор.

– Это совершенно другое. Пошли, посидим, поговорим.

– Черт с тобой, но чувствую я, что день сегодняшний у меня пропал.

Расположились в зале. Федька сел в кресло, что у окна стояло, Санек, расхаживал по комнате.

– Да не мельтеши ты. – Проговорил Меншиков. – Ну, говори для чего, ты меня от работы отвлек?

– Я все время думал. Понимаешь, ну, не верю я, что цивилизация Великих Монголов. – Сашков замолчал. – Ордынская Русь вот так вот в одночасье, и без вмешательства извне рухнула.

– Думаешь, американский след?

– Издеваешься?

– Слегка. А честно, я и сам к такому же выводу прихожу. Вот только когда я в Ля Рашели был никаких посторонних людей, как-то выделяющихся на фоне основной массы, не видел. Чтобы организовать такой огромный заговор, нужны мозги, а вот их в средневековье не было. Нужны технологии.

– Думаешь, путешественники во времени?

– Я же говорю, что не видел.

– А может, они и не скрываются?

– Не скрываются? В смысле?

– Масоны. Иллюминаты. Общество «Бедного Конрада». Сыны свободы.

– Санька ты что сбрендил? Большинство названных тобой обществ появились гораздо позже.

– А может это последствия распада большой организации? Осколки?

– Может быть. Но как бы то ни было, это нам с тобой находясь в будущем не проверить.

– Так я к этому и подхожу.

– Так ты предлагаешь отправиться в прошлое?

Сашков кивнул. Федька улыбнулся.

– Да я и сам собирался, да вот только пока мы не готовы. Ты думаешь, я, что зря что ли с машиной времени вожусь.

– Так ты...

– Значит так, будет готова машина времени, отправимся в прошлое. Да не на день, а как минимум на месяц, но для этого мы пока не готовы. И еще я пока не решил, в какое место и в какую эпоху отправиться. Выбор у нас, правда, небольшой. Либо в Москву во времена Ивана Грозного, либо во времена смуты. Той, что случилась уже в начале семнадцатого века. Да и не понял я, откуда эта зараза могла исходить. Одно точно могу предположить, что не Африка это и не Азия. Сам знаешь, сколько пегая орда, раскинувшаяся от Уральских гор до Австралийского материка, продержалась. Вплоть до девятнадцатого века. Только потом туда Романовы да англичане сунулись. Почти все следы стерли, но при желании и их отыскать можно. Так, что оставь ты, меня в покое Сашок. Пойду я лучше самолетом нашим займусь, а хочешь, пойдем со мной там и поговорим. Может какая-нибудь мыслишка и придет.

Отказываться Александр не стал. Согласился. Прихватили кое-какие инструменты, и пошли в ангар.

Сашков надеялся, что они с Федором займутся проверкой системы охраны самолета, о которой тот говорил накануне, но оказалось все куда прозаичнее. Меншиков предложил, словно не желая раскрывать все тайны своему приятелю, провести предполетный осмотр и проверку машины.

– Зачем тебе это нужно? – Удивился Александр. Он рассчитывал, что Федька начнет что-то говорить, оправдываться, придумывать различные причины, но ответ был довольно прост. Отчего приятель был тут же введен в замешательство.

– Осмотр требует достаточно много времени. Мне не хочется, тратить его перед самым отлетом. Понимаешь ситуация просто может измениться. Настроение будет не то. А сейчас и настроение вроде нормальное, да и отвлекать нас никто не будет.

– Ты имеешь в виду, Настю?

– Ее. Сейчас, когда она уехала, можно спокойно этим заниматься, да и поговорить.

– О чем?

– О том, что она тебе велела делать. Кстати взгляни, пусты ли у нас баки с топливом. Не хотелось, чтобы в него попали механические примеси и вода. Сам знаешь с весны, сюда не заглядывали.

– А твоя работа? – удивился Сашков.

– Так я же больше с электроникой возился. Пока необходимости в этом не было, ну, а тут ты предложил в прошлое отправиться, так, отчего бы и не осмотреть самолет.

Александр кивнул. Направился к бакам. Пока сливал остатки горючего, все думал.

– И что же она тебе велела делать? – Повторил вновь свой вопрос Федор.

– Велела с тобой в прошлое отправляться. Боится, как бы ты опять во что-нибудь не вляпался.

– И только то?

– А ты, что ожидал?

– Думал, заставит тебя следить за моим нравственным обликом. Кстати, если тебе не трудно проверь тормозные колодки, а я тут пока огнетушители осмотрю.

Огнетушители были на крайний случай. Вот только проку от них никакого. Если самолет вдруг загорится, а причины всегда есть и исключать такой возможности нельзя, то даже если бы они затушили очаг возгорания, не было никаких шансов вернуться из прошлого в свое время.

– А, – усмехнулся Сашков, – русо-туристо облик марале.

– Ты шутишь, а ведь я в свое первое путешествие во Францию там на всякие ограничения наплавал. Развлекался, если это можно так сказать напропалую. Вино, женщины и война. Мушкетеры, гвардейцы и боярыня Зиминая.

Санька еле сдержался, чтобы не прыснуть от смеха. Сразу сообразил, что Федор так назвал леди Винтер.

– С леди Винтер? Шпионкой кардинала?

– Дурак ты, Шурик. Если бы с леди Винтер я и сказал бы – с леди Винтер. Все, что сочинил твой теска Дюма старший всего лишь беллетристика. Фантастика чистой воды. Альтернативная история если на то пошло. Хотя, честно скажу не его это вина, что героиня носила фамилию Винтер. Это уже шевалье из Гаскони постарался, окрестив боярыню Зимину на новый манер.

Сашков удивленно взглянул на приятеля, подходя к нему.

– Ну, не мог он ее боярыней назвать. Понимаешь, не мог! Тогда уже все историю стали перекраивать. Представляешь, какие кривотолки пошли, если бы в его мемуарах фигурировал титул, который был распространен в совершенно иной стране. Леди, графини, маркизы, сеньоры – это, пожалуйста. Но никак не боярыни, князи, атаманы. Политика, брат. Против политики не поспрешь.

– И ты в эти приключения полез без меня? – Обиделся Александр. – Небось, как и во второе свое путешествие во Францию.

– Нашел из-за чего обижаться. Ты тогда, после нашего путешествия на Манхеттен ука-тил к себе домой, дела улаживать. Что мне, по-твоему, дома сидеть, а тут такая возможность

появилась. Рассчитывал, что взгляну на Францию семнадцатого века, попою винца с Атосом, Партосом и Арамисам. Покувыркаюсь с местными красотками. Оттянусь по полной программе и домой. Я же считал, что смута к тому времени закончилась. Ведь на московском троне Романовы уже сидели. Ошибся.

– В чем?

Меншиков выбрался из кабины самолета. Прошел к ящикам, стоявшим в углу. Сел на один из них и начал обтирать масляные руки.

– Видишь ли, Шурик. Ситуация в ту эпоху такая оказалась. Германия, – Федор задумался, – понимаешь, я не хочу ее делить на различные земли, – была в руках реформаторов. Кальвинисты сделали свое дело, поспособствовали изгнанию ордынцев. Франция добивала последние остатки – кафоликов, зажав их в двух единственных их городах, что были верны им до последнего. – Увидел вопрошающий взгляд приятеля, пояснил: – В Каркассоне и Ля Рашели. Испания установила инквизицию, уничтожая сторонников реформ. Швеция, уединившись в себе, вплоть до смерти Карла XII, оставалась верна идеалам Ордынской империи. Только когда Петр-Исаак Романов разбил их под Полтавой, там ситуация стала меняться в противоположную сторону. Окончательно Швецию столкнул с пути Бернарлот, генерал Наполеона. Западная часть, под правление Москвы, отошла к Романовым, а восточная (пегая орда) раскинувшаяся вплоть до японских островов единственная, что еще долго соблюдала принципы установленные ханом Владимиром-Чингисханом.

Федор замолчал. Порылся в кармане комбинезона и достал яблоко. Откусил, взглянув на Сашкова, и спросил:

– Хочешь, а то у меня в кармане второе завалялось?

– Нет. Не хочу. Ты лучше скажи, что же ты считал, происходит на самом деле?

– Не смотря на наши с тобой до этого путешествия, думал, что это мелкие локальные конфликты не связанные друг с другом. Ошибся.

– Как ошибся потом, когда считал, что во время Варфоломеевской ночи ордынцы резали реформаторов.

– Тут не я ошибся, – проговорил Федор, – а Фоменко с Носовским. Чуть-чуть просчитались в своих расчетах. Эх, жаль я сам не сообразил, что там совершенно по-другому было. Но, как говорится, знал бы где упасть, так соломки бы подстелил. Теперь вот даже не знаю, что с книгой адмирала Гаспара де Рюши делать?

Меншиков вздохнул. После возвращения он несколько раз книгу перечитал. Попытался было ее в печку бросить да сжечь. Сашков вовремя из рук вынул. Остановил.

– Не забивай этой проблемой голову, Федор, – проговорил сейчас Александр, – дай мне немного подумать, а там глядишь что-нибудь дельное в голову и придет.

– Однозначно, что предъявлять ее миру – нельзя.

– Верно. Скажут, что подделка. Фальсификация.

– Вот и я об этом. Может, как Зарубин советовал в Америку ее, а?

– Этим варварам? Ты что! – Вспылил Сашков. – Я эту книжку разве только ацтекам да майям и доверил бы, но не как не янки.

– И что тогда?

– А может, как адмирал просил? Все же не глупый был мужик, раз понимал, к чему все катится.

– В Сибирь что ли?

– А почему бы и нет, – подмигнул Александр. – Она ведь под прежней властью находилась вплоть до войны, известной нам как восстание Пугачева. Да и сейчас там, в отличие от Европейской части России старообрядцев можно встретить.

– Ты считаешь, что старообрядцы это потомки тех самых ордынцев, что не подчинились Романовым и пошли против реформ Никона?

– А почему бы и нет. Крестятся они по старинке, как православные-кафолики двуперстным крестом. Обряды, придуманные Никоном, отвергают, а поклоны бьют (это я в фильме Раскол видел) не хуже мусульман.

– Будь я неладен, – выругался Меншиков, запустил огрызком в потолок. Тот стукнулся об балку и как мяч, запущенный баскетболистом, угодил в стоявшую недалеко от входа корзину для мусора: – а ведь ты прав. Вот только пока к отправлению в прошлое мы не готовы.

– Не готовы, – согласился с ним Александр. – К тому же, мне кажется книгу адмирала, нужно отдавать не нынешним старообрядцам, а тем из шестнадцатого века.

– Это еще почему?

– Ты специально под дурака косишь? – спросил Сашков, насупившись.

Федор промолчал.

До вечера они провозились с самолетом. Кое-что проверили, кое-что новое установили. Меншиков предложил испытание провести скачок в прошлое совершить, но Сашков отказался:

– Ты, как хочешь, а я голоден. Да к тому же сейчас твоя благоверная из города вернется.

В тарелке гороховый суп с копченостями. С десяток гренков, что уже успели размякнуть.

– Ну, и что вы там еще придумали? – проговорила Настя, откладывая ложку в сторону. Она уже минут пять, глядела, как молча ели, обычно разговорчивые приятели, ее стряпню, за которой она провозилась почти два часа. – Ведь не поверю, что вы в полном ступоре от горохового супа.

Сашков промолчал, а вот Федор не выдержал и сказал:

– Да ничего мы не задумали. Весь день провозились в ангаре.

– Если в ангаре, так точно что-то задумали, – выпалила Анастасия.

– Да, есть тут у меня одна задумка, – проговорил Сашков, присоединяясь к разговору. – Хочу в прошлом, как минимум год провести.

– Дурак, – вспылила девушка.

– Это еще почему? – Не понял Шурик.

– Потому и дурак. Я по себе сужу, мне есть с чем сравнивать, хотя в вашей эпохе и не прожила так долго. Там же полная антисанитария. Эпидемии, войны...

– Так этого добра и у нас достаточно. – Расхохотался Меншиков: – О пандемиях каждый год по зомбоящику твердят. Все рекламируют: сделайте прививку от гриппа. А какой на самом деле штамп будет бушевать, никто не догадывается. Эвон несколько лет твердили о свином гриппе, если мне память не изменяет штамп N1H1 и где он? Умерло несколько десятков человек и сразу паника. Вон в том же восемнадцатом веке эпидемии бушевали, да еще какие. Одна чума чего стоит и что? Да ничего выжили. Выстояли. Войны, так в наше время их не меньше. То там воюют, то тут. Что-то делают. И процесс, как мне кажется со времен первой смуты идет. Как начали друг друга резать по различным поводам, так и продолжают. Варфоломеевская ночь уже не одно столетие длится. Разве что с небольшими перебивками. Зато сейчас цунами, наводнения и землетрясения. Такое ощущение, что уже планета с ума спятила, пытается с себя, как надоедливых блох, что постоянно ее кусают, скинуть.

– С чего ты взял, – проговорила Настя, поднимаясь из-за стола, – что в прошлом ни цунами, ни наводнений, ни извержений и прочих природных катаклизмов не было? – Она подошла к Шурику, взглянула в его пустую тарелку и спросила: – Добавки будешь?

– Да не откажусь.

– Вот и славненько.

Девушка взяла тарелку, подошла к фарфоровой кастрюле. Налила супчика и вернулась к Сашкову.

– Катаклизмы всегда были, а вот телевизора, который ты, Федор, зомбоящиком назвал, отсутствовал. Информации, которой владеет сейчас каждый второй, в мое время доходила до нас не вся. Все, что мы знали, так это то, что творится в Санкт-Петербурге. На крайний случай слышали, что где-то и как-то воюет русская армия. А еще ли и было землетрясение на японских островах, так об этом никто не догадывался. Некоторые просто не знали, что такие острова существуют.

– М-да, а ведь верно. Информация поступала довольно медленно. Мы, например, не знаем, что происходит на второй планете в Туманности Андромеды или в созвездии Весов. Ведь, как мне память там вроде планету, пригодную к жизни обнаружили.

Сашков, чуть не поперхнулся.

– Обнаружили. И уже планы строят на ее освоение, – проговорил он.

– Планы? – Удивился Федор.

– Ну, да. Несколько лет назад передачу по зомбоящику смотрел. Условия, как на земле. Горы, вода.

– Неужели не берут в расчет то, что планета может быть обитаема.

– Нет, конечно.

– Вот-вот. Так же и в прошлом было. Известно, что Япония существует, а вот что там пару дней или несколько часов назад было неизвестно. – Усмехнулась Настя. – Вот и не удастся вам год в прошлом провести. Не так покрестились, не то сказали. Этому не поклонились, тому милость не оказали, а в результате нет гарантии, что вас, ну, не в первые часы, так в первый месяц, кто-нибудь да не убьет.

– Я, как-никак месяц в прошлом прожил. – Возмутился Федор.

– В прошлом, если ты имеешь в виду 2006 год, так там любой проживет. А вспомни товарища Буракова. Вспомни Варфоломеевскую ночь. И ли у тебя опять амнезия? – Поддела за живое супруга Настя.

– Да нет у меня амнезии. Да и год провести в прошлом, лично я не желаю. – Фыркнул Федор: – Это все Шурик. Это ему хочется повариться в том мире.

Настя чуть поварешку в супницу не уронила. Взглянула на Сашкова.

– А вот от тебя я этого не ожидала, – молвила она. – Сам в авантюру лезешь, так еще и Федора за собой тянешь.

– Так я бы и один, – замямлил Шурик.

– Так и Федор тоже один пытался. Видишь, чем это закончилось в прошлый раз.

– Так, может, обойдется.

– Обойдется. – Сказала Настя. Взяла супницу и направилась на кухню. В дверях, повернулась. Пристально посмотрела на Сашкова и произнесла, замогильным голосом: – А добавки больше у меня не проси.

– Да я вообще-то сыт.

Супруга Федора рассмеялась.

– Да не обращай ты на нее внимания. Поворчит, поворчит. Да успокоится. Она и не заметит, что нас с тобой долго не было. Забыл, что мы на машине времени. Вернемся, через час после отбытия и все, – проговорил Меншиков, когда она ушла.

– А можно? – уточнил Александр.

– Почему бы нет. Просто раньше у меня не было необходимости впритык. Пробовали пару раз, но не более. Все же остальные путешествия длились долго только из-за того, что в нашей реальности мы путешествовали на автомобиле.

С кухни вернулась Настя. Села на кресло и улыбнулась.

– Все равно без меня пытались заговоры чинить, – сказала она. – Ладно, считайте, что победили. Вот только у меня к вам одно условие.

– Какое? – хором проговорили приятели.

– В чумные районы не соваться. Да и вакцинацию, по болезням, что в наше время поболели, а в те годы еще существовавшие, прошли.

– Вот незадача! – Воскликнул Александр. – Не люблю я врачей.

– А кто их любит. Вот только вакцинация не обходима. Сами заболете ерунда, а если сюда притащите. Вы о своих земляках хоть подумайте. Их вон и так от обыкновенного гриппа то в жар, то в холод бросает. А если что пострашнее притащите?

– Видимо у нас с тобой, Шурик, иного выхода просто нет. – Вздохнул Меншиков. – Вот когда начинаешь сожалеть, что женился.

Маленькая подушка тут же полетела в сторону Федора. Ему просто повезло, что он смог увернуться. Сашков встал из-за стола. Поблагодарил Анастасию за вкусный ужин, и уже собрался было идти в комнату, как вдруг вспомнил. Остановился. Взглянул на Федора и сказал:

– Дружище, а ведь ты ни разу не рассказывал мне о своем путешествии в Ля Рашель. Только и слышно: Ля Рашель да Ля Рашель. А подробности? Где подробности?

– Ну, так ведь разговор-то конфиденциальный, – замямлил Меншиков.

– Меня что ли боишься? – Спросила Настя. – Так это зря. Я терпимо отношусь к отношениям мужчин до брака. Все же это мужчины. Им и статус позволяет.

Сашкова, честно сказать, в какой-то степени ее слова коробили. Вот чего-чего, а этого он от нее не ожидал. Видимо было у Федьки с так называемой боярыней Зиминной, что-то такое, о чем супруга приятеля знать была не обязана. Поэтому Александра не удивило, когда Меншиков вдруг категорично заявил:

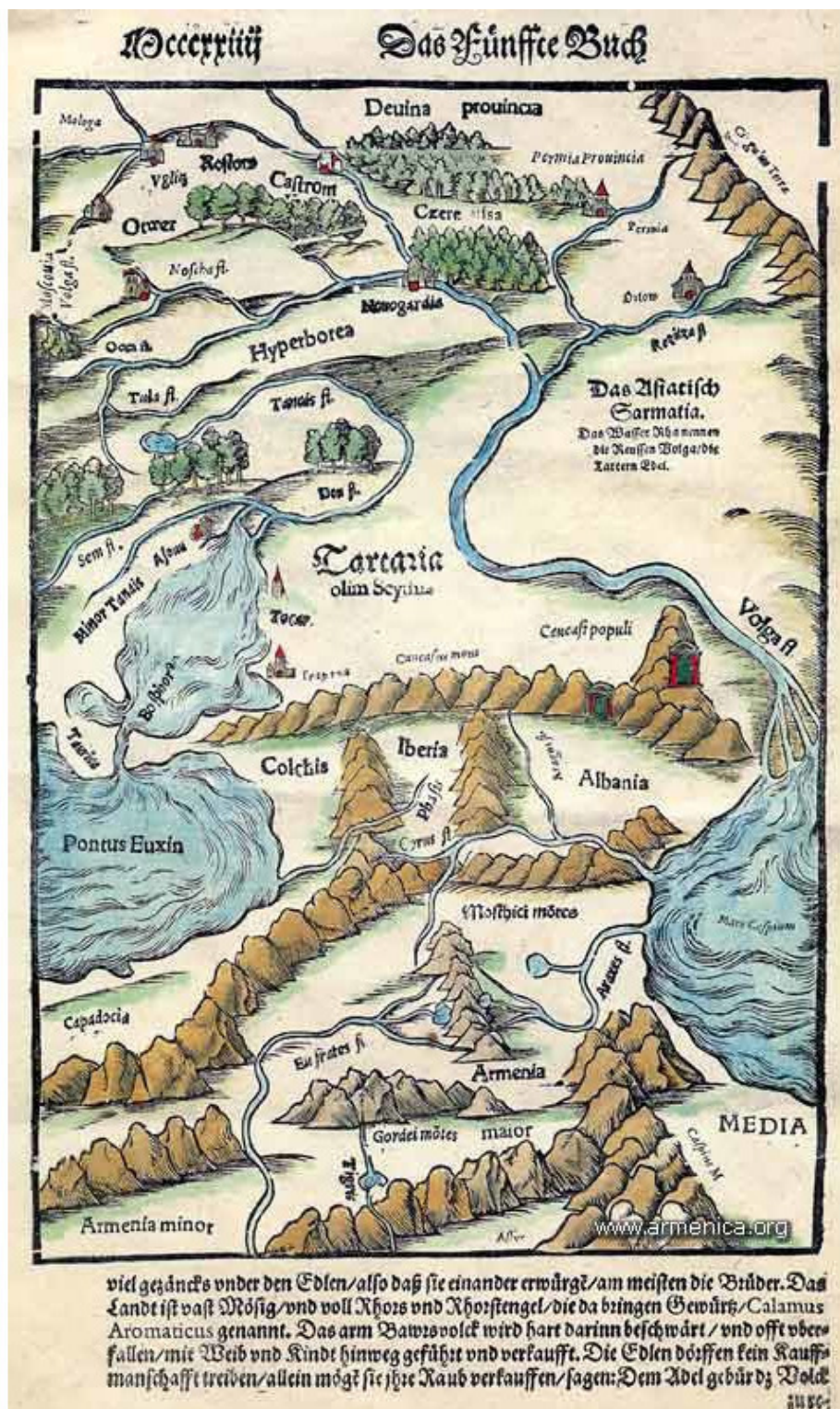
– Нет. В твоём присутствии я рассказывать не буду. Если хочешь знать, Шурик, так пойдем к тебе в комнату. Не думаю я, что у Анастасии совести хватит подслушивать.

Девушка покраснела от стыда и у Сашкова закралась мысль, что добавку им с приятелем придется теперь вымаливать.

– Я тебе потом расскажу, – проговорил Шурик и тут же получил удар в бок.

– Только попробуй. Тогда забудешь о своих планах.

Глава 2

Sebastian Muenster. Tartaria & Asistic Sarmatia. 1544 г.

Франция 17 века.

Из дневника Александра Сашкова.

«... Чем дольше я слушал Федора, тем все больше и больше поражался тому, каким мой приятель был авантюристом. Это только теперь выяснилось, что в свое первое самостоятельное путешествие он отправился совершенно не подготовленный. Менишков из оружия, хотя и понятия не имел, как с ним правильно обращаться, прихватил только сувенирную шапку, что была куплена в одном из магазинов города Пскова. Служила она больше для красоты и устрашения, чем для настоящей обороны. Из одежды (с чего Федор так решил, мне до сих пор не понятно) старенький потрепанный свитер, заботливо превращенный в безрукавку (благо на дворе было лето), брюки, напоминавшие шаровары. Были они тесно-синего цвета, и как утверждал Менишков, ни капли не уступали знаменитым штанам Вадима Казаченко. Старые, еще служившие верой правдой отцу Федора, сапоги-ботфорты. Но больше всего нравился путешественнику краповый берет. Это уже потом, будучи в средневековой Франции Менишков понял, какую огромную ошибку он совершил, предпочтя его широкополой шляп, что была так популярна. Федор в тот день взглянул на себя в зеркало и сделал однозначный вывод, что внешне он ничем не отличается от гасконца.

Кто бы мог подумать, что стереотипы навязанные синемаграфом до добра не доведут.

И все же не поставив меня в известность, на то у Менишкова были свои причины, и Федор так и не решился их мне рассказать, он покинул свой дом и направился в ангар. Там у него стоял реактивный самолет, созданный по первому опытному образцу, что в конце Второй Мировой Войны разработали американцы. (Тут стоит отметить, что, по мнению ученых, именно на таких вот машинах к древним ацтекам и майям прилетали их боги).

Слушая Федора, я вдруг осознал, что и сам точно так же поступил на его месте. Что я знал о той эпохе, в которую отправлялся мой приятель. Да почти ничего! Семнадцатый век. Мушкетеры и гвардейцы. Католики и гугеноты. Кардинал Ришелье и Анна Австрийская. И все это из романов Александра Дюма да Александра Бушкова, хотя последнего я прочитал довольно бегло и правильнее сказать по диагонали, выхватывая из текста то одни, то другие куски, за которые время от времени цеплялся глаз.

Но, даже если бы и порылся в учебниках и полазил по интернету в поисках информации, то, скорее всего неприятностей не избежал. Уже по прибытию на место Федор вскорости понял, что все поставлено верх тормашиками. И уж не как мой друг и предположить не мог, что вместо прогулки по Парижу семнадцатого века он окажется в осажденной Ла-Рошели, крепости гугенотов. Последнем оплоте ордынской империи на Атлантическом океане. (Стоит отметить, что Каркассон к этому времени был в руках реформаторов.)

В итоге Менишков впервые в одиночку отправился, на свой страх и риск, в прошлое о котором он совершенно ничего не знал, но как говорится – на ошибках учатся, вот только это был не первый, да и не последний промах Федора из тех, что им были и будут еще не раз совершены.

И все же я был восхищен его безумным поступком и в душе надеялся и чаял, что когда-нибудь мне удастся вот так вот отправиться в прошлое и провести там не день и не два, как это было в прошлые наши с Менишковым экспедиции, а как минимум полгода, а может быть и год. Правда, прежде чем отправиться куда-то сломя голову я рассчитывал основательно подготовиться...»

Недалеко от Парижа 1627 год.

Федька подумывал сначала одеться, как было принято в конце шестнадцатого века: колет темно-зеленого цвета с отложным воротничком, панталоны до колен, туфли с розеткой на носке. Сверху предполагался длинный плащ и широкополая шляпа, украшенная белыми страусовыми перьями. Но, увы, от всего этого пришлось отказаться. Как выяснилось, гарде-

роб того времени из подручных предметов одежды создать было почти невозможно, а заказывать в ателье дорого. Пришлось ограничиться свитером, шароварами, ботфортами да беретом. Посчитал, что память о Великой Монголии еще не была полностью стерта, отчего сей наряд, недолжен был вызывать удивления. В какой-то степени Меншиков не ошибся. Память о прошлой жизни все еще витала в воздухе. Медленно, но верно, старое правящее общество Европы, состоявшее в основном из ставленников Великого Новгорода, уходило на нет, уступая свое место амбициозной новой элите, которую Федор окрестил не иначе как – «Новые европейцы».

Пудрить виски, как это делалось в те времена, и уж тем более гладко зачесывать назад волосы Меншиков не стал. Федор был точно уверен, что из-за этой вот красоты именно в ту эпоху так сильно и были распространены блохи и прочая живность, что обитала в головах вельмож. Ограничился лишь залихватски закрученными усами да маленькой остроконечной бородкой.

Прихватил шпагу из сувенирного магазина и с высоко поднятой головой, уверенный на все сто в своей аванюре, отправился в прошлое. Как заявил себе Меншиков перед самым отъездом:

– Увидеть Париж и умереть.

Потом, уже вернувшись из прошлого, понял, что «накаркал».

Оставив самолет в нескольких верстах от Парижа, об этом Меншиков узнал с придорожного знака, что стоял одиноко около дороги, ведущей в столицу государства, Федор уверенно зашагал в сторону города, насвистывая на ходу какой-то незатейливый мотивчик из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетера».

Через час Меншиков понял, что совершил самую большую ошибку в своей жизни. А именно. Федор совершенно не подумал о деньгах, что ходили в эту эпоху, а они, как выяснилось, были очень даже нужны. Во-первых, нужна была лошадь, а во-вторых, за этот час, что путешественник провел в прошлом, он изрядно проголодался. И сейчас, будь у него такая возможность, съел бы целого быка. Причем сделал это в один присест.

Остановился, похлопал себя по карманам, тяжело вздохнул. Все, что удалось обнаружить, так это золотую цепочку (неизвестно какой пробы), одну из нескольких, что остались ему в память о предыдущей жизни, да обручальное кольцо, потерявшее для него хоть какую-то ценность.

– Эх, жаль, что это не перстень, – вздохнул Меншиков, вспомнив, как Атос продал свою семейную реликвию и выручил за нее хоть сколько-то денег. – И все же, по возможности этот лом нужно превратить во что-то более реальное. Правда вряд ли за него так уж много дадут. В следующий раз, – а Федор не сомневался, что на этом его путешествия в прошлое не ограничатся, – я хорошенько подготовлюсь. Бог с ней одеждой, а деньги иметь при себе всегда надо.

Дорога начала сворачивать, делая петлю. Меншиков остановился и взглянул.

– Что за дурак придумал, – проговорил он, понимая, что сможет пройти напрямую, благо расстояние было не слишком велико.

Он сошел с дороги и пошагал среди высокой травы, доходившей ему до пояса. Несколько раз останавливался, прислушивался. Казалось, что где-то впереди разговаривают люди. Причем беседу они вели на непонятной смеси французского и старославянского (русскими услышанные и знакомые слова у Меншикова язык, просто не повернулся бы назвать). В душе зародилась надежда, что наконец-то появится шанс, если уж не разжиться деньгами и лошадью, то хотя бы перекусить. Благо люди добрые и угостят уставшего путника идущего из Орлеана.

Меншиков миновал небольшой лес, преградивший ему дорогу, и вышел к огромному полю, засеянному не иначе рожью. Остановился. Огляделся. В дали на холме высился замок.

Этакий форт, способный выдержать не одну осаду, и в котором, скорее всего, жил феодал владевший пашней. Чуть левее, от Федора, протекала река, послужившая, по всей видимости, причиной искривления дороги. До путешественника донесся шум воды. Кто-то в ней плескался. Меншиков повернул на гул и вышел на берег. Тут около камышей он наконец-то увидел людей. Трое были полностью обнажены и плескались в речке, еще трое сидели на пригорке и что-то варили. Федор принялся и понял, что это уха. Рядом с крестьянами, а, по всей видимости, мужчины ими и являлись, лежали их косы. На пеньке, что остался от дерева, стоял кувшин.

Его сразу же заметили. Те, что купались, выскочили из воды и бросились одеваться. Другие трое схватились за косы, приготовившись к обороне. Самый старший из них, его выдавала более дорогая одежда: пурпуэн с большим врезом на груди, трико и короткие шарообразные панталоны бричес, широкие тупоносые туфли – «медвежья лапа», отделился от честной компании и направился навстречу незнакомцу.

– Кто вы такой сударь? – Поллюбопытствовал он.

– Граф Француа-Анри-Поль д’Моне, – представился Меншиков, срывая с головы краповый берет и, делая реверанс. – Путешественник. Позвольте поллюбопытствовать, господа, – такое обращения явно задело за живое крестьян и те отпустили косы, – кому принадлежат эти земли и тот замок вдали?

– Великому хану, – проговорил старший, съедая окончания слов, отчего услышанное напомнило Меншикову привычное: – Великану.

– Эвон оно как, – молвил Федор. – Значит здесь по-прежнему власть русского императора,

– Что вы, сударь. Замок давно заброшен. Воины Великана давно разбежались, и там по комнатам теперь гуляет только ветер. А земли это теперь наши – народные.

До поры до времени, подумал Федька, но вслух такую кошунственную мысль, озвучивать не стал. Хотелось еще пожить. Он кинул взгляд в сторону котелка с ухой. Облизнулся.

– Я голоден, господа, – нагло проговорил Меншиков, решив, что юлить в данный момент не стоит, – не смог бы я с вами отведать вашей трапезы.

Старший недовольно взглянул на него, затем перевел взгляд на товарищей. Видя, что те стоят и не знают как поступить, Федор добавил:

– Я заплачу.

– Да, что мы, не люди что ли? – Тут же молвил один из крестьян, что успел одеться. Старший утвердительно кивнул, и указал в сторону костра.

Меншиков тут же последовал в указанном направлении.

– Вот только, господа, – проговорил он, – расплатиться с вами я могу только этим.

Вытащил из кармана колечко и продемонстрировал крестьянам. Глаза у старшего заблестели, он протянул руку, но Федька убрал драгоценность в карман. Он не опасался, что такую ерунду у него отберут силой.

– Еще мне нужна лошадь. – Подумал и добавил: – Неважно какая, но лошадь. И тогда кольцо ваше.

Крестьяне переглянулись. Старший пристально посмотрел на пятерых и, указав на самого молодого пальцем, перепачканным землей, сказал:

– Жан, сбегай-ка домой да приведи Остроухого.

Парнишка улыбнулся. Кивнул. Вскочил и неспешно направился в сторону замка, под стенами которого, решил Меншиков, находилась их деревенька.

Пока его не было, старший протянул Федору деревянную ложку, кусок безвкусного хлеба.

– Приятного аппетита, сударь, – молвил и улыбнулся. И только теперь Меншиков заметил, что у него не хватает одного зуба.

Пока ждали Жана с лошастью, ели уху и разговаривали. Крестьянам очень было любопытно, кто такой д'Мане и какими судьбами он оказался в их краях. Пришлось наспех придумывать легенду, в которую, если судить по хитрой роже Щербатого, тот не поверил. Правда, как и товарищи его, внимательно слушал и не перебивал. Меншиков вдруг и сам понял, что больно у него все гладко выходило, даже стал опасаться, как бы, что лишнее не сболтнуть.

А легенда его была простая, и ничуть не уступала тем легендам, что были в ходу у разведчиков. Родился и жил граф в Новом свете. Сейчас с кораблем прибыл в Ля Рашель, и уже оттуда, через Орлеан (уж больно хотелось американцу увидеть прародину предков) отправился в Париж.

– Орлеан? – Уточнил один из крестьян, здоровенный бугай, что купался во время появления Федора, в речке.

– Орлеан. – Кивнул путешественник. – Мы же французских корней, – гордо заявил д'Мане: – отбыли в Новый свет на самой заре мореплавания. До сих пор мои родные проживают в городе – Новый Орлеан.

Меншикову показалось, что пояснение убедила здоровяка. Щербатый же только фыркнул, но так ничего и не сказал.

– А в Париж-то зачем? – Не унимался здоровяк.

– Да есть одна мечта, аж самого детства. Поступить на службу королю французскому Людовику, – Федька замялся, пытаясь вспомнить под которым номером сейчас правил монарх. – Ну, или на худой конец к кардиналу Ришелье в его славную гвардию.

– Гугенот? – вдруг спросил крестьянин, тот, что сидел напротив Федора.

– Истинный католик, – проговорил Меншиков и перекрестился.

От его внимания не ускользнуло то, что хлебобобы потянулись к косам. Какое-то предчувствие подсказало ему, что он сказал что-то не то. Но вот только что? Вполне возможно, что разорвали бы его сейчас сидевшие перед ним, да только появился Жан. Парнишка вел под узды невысокую лошадку какого-то непонятного окраса. Меншиков еле сдержал разочарование. Он ожидал одно, а получил совершенно иное. Представил, как будет восседать в своем наряде да при шпаге на этом Росинанте.

– Ну, вылитый гасконец. Шевалье д'Артаньян, – прошептал Федор.

Вытащил из кармана колечко и протянул Щербатому.

– Как и договаривались. Правда, лошадка, – Меншиков покачал головой.

– Чистокровная монгольская, – проговорил крестьянин и рассмеялся.

– Вижу, что монгольская, – молвил Федор, подошел и взял коня.

Он уже собирался вскочить в седло, как вдруг Щербатый произнес:

– Стойте, граф. Мне нужно с вами поговорить. Тет-а-тет. Давайте мы пройдемся до дороги.

– Не буду возражать.

Вдвоем они шли вдоль поля. Меншиков вел под уздцы лошадку и слушал, что ему сейчас, без приятелей говорил Щербатый.

– Вот что, мой дорогой друг. Вы мне глубоко симпатичны. И я еще помню те времена, когда кафолики и гугеноты были единым народом. Я помню, когда всем миром правил Римский император Иоанн. Да вот только те времена прошли. Поэтому и умоляю вас, не говорите ни кому, что вы прибыли из Великого Новгорода.

Федор остановился и удивленно взглянул на крестьянина.

– Не удивляйтесь, молодой человек. Я много пожил и смогу отличить московский говор от ямариканского. И не говорите не кому, что вы католик, а уж тем более гугенот. Твердите всем, что вы последователь Кальвина.

Они дошли до дороги. Здесь Щербатый остановился. Минуты две молчал. Дождался, когда Федор залезет на низкорослую лошадку и сказал:

– Как прибудете в Париж, старайтесь вести себя как можно не заметней. Сейчас там нравы еще те. И хотя с момента Варфоломеевской резни прошло много лет, спокойствия в славном городе Париже не стала. Так что если вам не удастся избежать дуэли, то деритесь, так как от этого будет зависеть ваша жизнь. – Крестьянин запустил руку в карман, достал оттуда несколько медных монет, и протянул Федору. – Это лиары. Деньги небольшие, но их хватит, чтобы купить недорогую широкополую шляпу. Это – он указал рукой на головной убор Меншикова, – хорошо в деревне, и может быть в Московии, но, ни как уж не в Париже.

– Спасибо вам, сударь, – проговорил граф, вскочил в седло и поскакал в сторону города.

Париж.

– Хозяин, – прокричал на весь зал Меншиков, привлекая к себе внимания, – еще вина.

Толстый хозяин постоялого двора, что находился на окраине Парижа, тут же возник перед посетителем с бутылочкой вина. От него пахло дорогим парфюмом, и Меншиков заподозрил, что тот так пытался скрыть запах пота. То, что хозяин не мылся, свидетельствовало его выражение лица, когда путешественник заикнулся о ванне.

– Бургундское? – Поинтересовался Федор, уже осушивший полторы бутылки этого замечательного, как он считал вина.

– Оно самое, сударь.

– Урожая 1615 года?

– Непременно.

– Тогда оставь и принеси еще цыпленка.

Толстяк учтиво поклонился и медленно, пятясь, попытался удалиться. Увы, сделать это ему не удалось, так как его тут же перехватили сидевшие за соседним столиком мушкетеры короля. Те напропалую, впрочем, как и Федор, тратили деньги. Меншиков вдруг представил, что эти четверо, получили золотые монеты не иначе от самого Людовика. Сам же путешественник вынужден был довольствоваться несколькими ливрами, но и этих денег было достаточно, чтобы снять комнату на постоялом дворе. К сожалению, пришлось расстаться с золотой цепочкой. Продешевил ли Федор, было известно только ростовщику да богу. Только ни первый, ни второй ему об этом никогда не расскажут. Сразу же, как раздобыл деньги, кинулся на поиски постоялого двора, а когда вошел внутрь, первой мыслью было, что ошибся и угодил в сортир. Воняло ужасно. Меншиков подумал, что неплохо бы подыскать что-нибудь другое, но тут вспомнил, что точно такой, же запах стоял и у ростовщика.

– Ну, и вонь, – проговорил путешественник и направился к хозяину таверны договариваться.

И вот сейчас Меншиков сидел в самом дальнем углу зала в одиночестве за столом, как можно дальше от дверей. Сюда уличная вонь не доходила. Федор опустошил вторую бутылку, наполнив глиняную кружку, и задумался. Путешественник рассчитывал, что сегодня он отдохнет с дороги. Все-таки не привычно, оказалось, ехать на лошади. Подустал. А завтра с утра, после того, как отобедает пуститься на исследования города Парижа. Он уже и план составил. В основном сооружения, которые до двадцать первого века не уцелели. Пока всего три, но каких! Королевский дворец, в котором обитали предшественники Людовика. Он еще сохранился, в чем Федор был уверен. Бастилия, в которой вскорости будет томиться – «Железная маска». Ну, и само собой Монофокон. Этакая виселица, аналогов которой в других государствах просто не было. Попытается заглянуть к собору Парижской Бога Матери, который, как утверждали математики из Москвы, только-только отстроили. Интересно было посмотреть, до какого состояния французы довели его за каких-то несколько лет эксплуатации. Залпом осушил содержимое кружки, закусил цыпленком и оглядел присутствующих. Кроме четырех мушкетеров в синих плащах с белыми крестами, что сидели за соседним столиком, в таверне было несколько буржуа, что вели мирную беседу, за каким-

то дешевым вином. Монах, пожиравший огромную рыбину и господин в черном. Тот сидел за столиком у окна и явно кого-то ждал, то и дело, всматриваясь в мутную слюду окна. Неожиданно на улице заржал Росинант Федора. Меншиков вздрогнул замер, так с ножкой цыпленка во рту и взглянул на дверь. Заметил краем глаза, что человек в черном улыбнулся. Какая-то непонятно откуда-то взявшаяся мыслишка проскользнула в голове, что тот смеется над его лошастью. Сдержался, понимая, что может оказаться в роли известного гасконца. И если у того была шпага, то в ножнах Меншикова находилось нечто подобное, чем убить то человека нельзя, разве что травмировать. С улицы донесся топот, и Федор понял, что подъехала карета. Заметил, как человек в черном изменился. Чувствовалось, что он ждал именно этого. Меншиков пожал плечами, и уже хотел было предаться вину, да вдруг дверь отворила. Дворянин в черном приподнялся со скамьи. Мушкетеры прекратили спорить, а буржуа вдруг замолчали. Все смотрели в сторону двери. Там на пороге стояла шикарная дама в сиреновом платье. Ее белокурые волосы развевались, в правой руке она сжимала веер, левой прикрывала платочком носик. Меншиков не сомневался, что виной была все та же вонь. Она подошла к дворянину и сказала, словно укоряя того:

– Рашфорт, неужели вы не могли найти более подходящего места для свидания?

Дворянин, учтиво отодвинул широкополую шляпу, как можно дальше и молвил:

– Это не моя прихоть, сударыня. На все его воля.

Чья воля Меншиков мог только предполагать, одно для него было ясно, что перед ним сидел граф Рошфор. На Бориса Ключева, что исполнял в фильме его роль, он ни капельки не походил. Сидевшая напротив него женщина была, скорее всего, леди Винтер. Кому они служили, пояснять Федору было не нужно. Вот только почему-то блондинка произнесла не Рошфор, а Рашфорт.

– Можем подняться наверх, миледи, – проговорил граф, – и там поговорить.

Тут Рашфорт взглянул в окно и рассмеялся.

– Что с вами, граф? – спросила Миледи.

– Сударыня, меня насмешила вон та лошадь, что привязана недалеко с дверью в таверну.

И вот тут Меншиков не выдержал. Выпитое вино ударило в голову. Кулаки «зачесались». Он встал из-за стола и направился к Рашфорту и Миледи.

– Тот, кто смеется над лошастью, тот смеется над ее хозяином, – проговорил Федор, подходя к столу и вытаскивая шпагу.

– Я не смеюсь над вами, сударь, – сказал граф, поднимаясь из-за стола и заслоня собой девушку. – Я готов принести извинения, если мои слова обидели вас.

– Я вызываю вас на дуэль, господин весельчак, – произнес Меншиков и пошатнулся.

– Э, да вы пьяны, сударь, – вздохнул Рашфорт, повернулся к девушке и проговорил: – Ступайте, сударыня. Я улажу возникшую проблему и присоединюсь к вам.

Девушка тут же выскочила в дверь. Между тем Меншиков попытался сделать выпад. Граф сделал шаг в сторону и тот, пролетев мимо, упал на стол. Стоявшее вино опрокинулось и облил его красным вином. Огромное пятно выступило на его свитере. Шпага сломалась, а сам Федор потерял сознание.

– Хозяин! – Прокричал граф Рашфорт.

Тот появился незамедлительно. Оглядел беспорядок. Повздыхал и взглянул на дворянина.

– Помогите мне этого безумца доставить в его комнату.

Толстяк вздохнул, но увидев блеснувшую в руке графа серебряную монету, тут же подхватил незадачливого бузотера и потащил на второй этаж. Рашфорт поднял шпагу и расхохотался.

– Какой конь, такая и шпага.

С этими словами он проследовал за толстяком. Догнал граф обоих уже в комнате. Хозяин закинул Меншикова на кровать и позвал служанку. Та вошла в комнату, предварительно, попросив графа ее пропустить. Взглянула на пятно на свитере и чуть не потеряла сознание.

– Это всего лишь вино, – проговорил граф, приведя его в сознание. Затем подошел к Меншикову и ударил того по щекам.

Отборная русская брань разнеслась по комнате. Рашфорт покачал головой. Еще раз оглядел наряд бузотера и произнес шепотом:

– Я так и думал.

Затем взглянул на хозяина и произнес:

– Я заберу его с собой. Вот вам, – он протянул золотой, – и запомните, ничего такого вы не видели. А сейчас я должен отлучиться на какое-то время, и уладить свои дела.

– Хорошо, сударь. – Толстяк спрятал монету в карман фартука, затем кивнул в сторону бузотера и спросил: – Что с ним?

– Это вас нужно спросить, что с ним? Это вы его так изрядно накачали вином.

– Это не я, сударь. Это он сам набрался.

Рашфорт спорить не стал, махнул рукой.

– Вы уж тут за ним посмотрите, как бы он что-нибудь еще не учудил, – заметил кислое лицо толстяка, и пояснил: – оставьте горничную.

Вышел на улицу, туда, где его ждала Миледи.

Дорога на Ля Рашель.

– Как же болит голова, – первое, что произнес Меншиков, придя в себя. Схватился за голову: – Что за пойло наливало мне трактирщик.

– Отменное вино, урожая 1615 года, – раздался неожиданно голос.

– Бургундское, – прошептал Федор.

– А, вы, разве просили у него какое-то другое? – Уточнил незнакомец.

– Да нет, бургундское...

Федька не договорил. Неожиданно Меншиков понял, что находится не в номере постоянного двора, где по законам жанра он должен был поутру очнуться, а, по всей видимости, путешественник просто предположил, скорее всего, в каком-то экипаже едущем неизвестно куда. Открыл глаза и увидел знакомое лицо.

– Раз уж вы очнулись, – проговорил дворянин, – позвольте представиться – Мишель Фредерик граф Обочин прозванный в этой местности – Рашфорт. С кем имею честь общаться?

– Франсуа – Анри – Пола граф д'Мане. Увы, прозвищ не имею. Прибыл во Францию из Ямарики.

Рашфорт рассмеялся.

– Скорее из Московии, – проговорил он. – От жителя Ямарики вас отличает говор. Как говорите вы, говорят в районе белой орды.

– Черт, вас в отличие, от местных крестьян довольно сложно обмануть, – вздохнул Меншиков.

– Просто по делам государства я вынужден был года два назад отправиться в те места. Федор наконец-то освоился в карете и уселся поудобнее. Взглянул в окно и спросил:

– Так куда же вы меня везете, граф?

– Называйте меня – Рашфортом, – проговорил Обочин, – я уже привык, что местные меня так называют. А едем мы, граф, в Ля Рашель.

Федька присвистнул. В его планы путешествие в город принадлежащий гугенотам и находящийся на краю гибели (кардинал Ришелье и король Людовик XIII собирались подавить последний оплот протестантов).

– И я не могу отказаться от поездки? – Полюбопытствовал он.

– Боюсь, что нет. Вы и так подвергли себя опасности, появившись в Париже в таком наряде.

– А что в нем не так? – Удивился Федор.

– Кроме того, что берет, в больших городах, никуда не годится, вы еще напялили казацкие шаровары. Да любой католик, – тут стоит отметить, что Рашфорт назвал именно католик, а не как-то иначе, – заподозрил бы в вас монгола.

Меншиков хотел было возмутиться. Он был чистокровным русским, и никаких примесей, тем более азиатских в его родне испокон веков не было. Сдержался.

– Кстати, – продолжал между тем дворянин, – вот ваша шпага.

Он протянул обломки оружия Федору и добавил:

– Не думал, что дамаская сталь стала такой хрупкой.

Меншиков взял в руки оружие, покрутил. Хотел было выбросить в окно, но Рашфорт его остановил.

– Она может вам пригодиться. Отдайте хорошему кузницу в Ля Рашели. Он превратит шпагу в грозное оружие.

– Честно признаться, – молвил Федор, – мне ее привезли из Китая.

Путешественник не соврал. Шпага действительно, как и большая часть товаров сувенирного магазина, в котором он ее приобрел, из Поднебесной.

– Пегая орда. – Дворянин покачал головой: – Не думал, что там есть умельцы способные создать что-то стоящее. – Неожиданно Рашфорт понял, что ошибся. Он кое о чем забыл и вот теперь вспомнил. – Извините, граф, я, кажется, ошибся. Только сейчас вспомнил, что до меня дошли слухи, что там, на островах, водятся умельцы, способные сделать оружие, не уступающее мечам золотой орды. Вот только я не припомню, чтобы они делали шпаги.

Меншиков еле сдержал свое удивление. Он не предполагал, что во Франции могли знать о существовании Японии. Все-таки эти два государства находились (в какой-то степени) на разных сторонах планеты. Вполне возможно, что Рашфорт прочитал об этом из записок Марко Поло. Ну, на худой конец, узнал из уст человека знакомого с творчеством путешественника.

– А пока вы не приехали в Ля Рашель, я готов одолжить одну из своих.

Обочин повернулся спиной к Федору. Открыл скрытую в стенке кареты нишу и извлек оттуда клинок. Протянул д'Мане и только, когда увидел глаза Меншикова, разглядывавшего оружие, понял, что тот обращаться со шпагой не умел. Вспомнился вдруг момент их встречи, когда незадачливый русич попытался его атаковать.

– Да я погляжу, – молвил Рашфорт, – со шпагой вы явно не знакомы. Какую же вы совершили глупость, граф, когда рассчитывали, что ее вам для самообороны хватит. Почему я говорю – самообороны, да только от того, что атаковали вы меня явно под воздействием бургундского.

Меншиков непроизвольно коснулся рукой раскалывающейся головы. Кивнул.

– Я так и думал, – констатировал граф Обочин. – Придется припадать вам несколько уроков. Надеюсь, вы, граф, не будете против? – И не дождавись ответа, добавил: – По возможности я начну ваше обучение, так как без навыков вы просто пропадете, граф.

Рашфорт улыбнулся.

– Простите меня, Рашфорт, – проговорил Меншиков, – за вчерашнюю выходку. Сами понимаете, был пьян.

– Понимаю, – проговорил дворянин. Запустил руку в карман и протянул Федору несколько золотых монет.

– Что это?

– Я вынужден был продать вашу лошадь, граф. Мне очень жал. Я понимаю, как вы к ней относились, но дороги в Ля Рашель она просто не выдержала.

Меншиков спрятал монеты в карман, шаровар. Улыбнулся:

– Я рад, что вы это сделали, Рашфорт. Как говорил мой друг: лошадь хозяину нужно кормить, а деньги кормят хозяина.

– Верно, подметил ваш приятель. Одно только не забывайте – деньги это зло!

– А зло нужно уничтожать. – Федор рассмеялся. – По возможности я это сделаю, набив предварительно свой желудок. – Путешественник замолчал. Понял, что граф не оценил его юмор. Видимо эпоха была не та. Может быть в будущем, состри кто-нибудь из комеди-клуб, зал бы стоял на ушах, но только не сейчас. Деньги уже имели ценность, но еще не такую, какая появилась у них в грядущем. – Граф, я вот все хотел у вас спросить? – промямлил Меншиков.

– О чем, граф?

– О той белокурой женщине, что была с вами на постоялом дворе?

– Боярыне Зиминной? – Уточнил Рашфорт.

– О той, что вы называли Миледи.

– Что вас интересует, граф? Замужем ли она?

Меншиков покраснел. Он был уверен, что, скорее всего да. Как помнил он из мемуаров гасконца – девушка была замужем да не один раз.

– Так вот я должен вас разочаровать, мой друг, – Рашфорт коснулся рукой плеча Федора. – Она замужем. Боярыне уехала сразу же после нашего с ней сведения в трактире в Ля Рашель, – у путешественника вспыхнула надежда, что он еще ее увидит, – к своему муже – боярину Зимину. Коменданту города. Своим ответом опечалил вас, граф?

Меншиков, чуть не ляпнул, что муж не стенка, можно и пододвинуть. Сдержался.

– И все же, граф, расскажите мне о Миледи. – Еще раз попросил Федор.

– А вам это нужно? Меньше знаешь – крепче спишь. – Подмигнул Рашфорт.

– Нужно.

– Хорошо. Я подумаю.

Почти до самого вечера Обочин не проронил ни слова. Меншиков сначала в окно пялился, любуясь окрестным пейзажем, а потом не выдержал и стал насвистывать песенку. Рашфорт сначала дремал, потом откупорил бутылку с вином, сделал несколько глотков, и лишь только когда граф д'Мане засвистел, высунулся из окна кареты. Минуты две он вглядывался вперед. Заметив, что впереди стал, виден лес, улыбнулся и приказал кучеру:

– Останавливай карету.

Меншиков удивленно на него взглянул, и тут же получил разъяснение:

– В лес вечером, а тем паче ночью лучше не соваться. Разбойники. Там шпага, увы, не поможет, да и пистолет не больно надежен. Обворовать могут, а узнают что мы с вами, граф, ордынцы, так повешают на первом же суку. Лагерь разобьем, а там глядишь, расскажу я вам, все, что знаю о боярыне. А знаю, я только то, что она сама мне рассказала, как хорошему и преданному другу. Вот только есть одно затруднение, граф.

– Какое? – спросил Федор.

– Я ей клятву давал, что об этом ни одна живая душа не узнает. Мне вас, мой друг, убить сразу же после окончания повествования придется. – Меншиков побледнел. – Да пошутил я, граф. – Утешил Рашфорт.

Карета остановилась. Дворянин выбрался из нее, а за ним Федор. Граф оглядел товарища и покачал головой.

– Да, в такой одежде далеко не уедешь, – проговорил он, – удивительно, как вы еще живы-то остались? Придется вас немножечко приодеть. Эжен, – обратился граф к кучеру, – посмотри, где-то там, в вещах, мой старый костюм лежит. Найди, да отдай, графу д’Моне.

– А как же вы, сударь?

– Я уж как-нибудь обойдусь. Новый в Ля Рашели у купцов куплю.

Кучер, молодой парень лет восемнадцати спрыгнул с козел и подошел к деревянным сундукам, что были закреплены позади кареты. Открыл верхний и стал рыться внутри. Пока он этим занимался, Рашфорт развел костер. Достал из корзинки, что стояла под скамейкой курочку, и нанизал ее на шомпол. Закрепил над огнем. Меншиков опустился рядом с ним.

– И так, мой любезный друг, вы желаете узнать историю миледи Винтер?

Федор кивнул.

– А почему? – Уточнил граф, и, не дождавшись ответа, тут же спросил: – А мою не желаете послушать?

Путешественник хотел было отказаться. Ему куда интереснее была судьба женщины. Он хотел сравнить изложенную в мемуарах д’Артаньяна историю с той, что сейчас готов был поведать ему Рашфорт. Но, чтобы не обидеть нового друга молвил:

– И об ваших приключениях, граф, я с удовольствием послушал бы.

– Эвоно как, – хмыкнул Рашфорт, – так и быть расскажу, но не сегодня.

Мишель Фредерик граф Обочин перевернул курочку и произнес:

– История эта началась, сразу же после Варфоломеевской ночи...

Слушая Рашфорта, Меншиков вдруг понял, что не все было так просто, как казалось на первый взгляд. Неожиданно выяснилось, что история оказывается субъективной. Характеристики персонажей, которые так настойчиво преподавали в школах, в зависимости от сложившейся ситуации в обществе, менялись иногда кардинально. Сложно было определить, каким именно был тот иной человек, основываясь только на летописях, составленных по воле правителей. На удивление, вполне возможно, чтобы оправдать свои поступки, нечто подобное случилось и с Миледи. Отрицательный персонаж, так усердно срисованный Александром Дюма-старшим, неожиданно стал приобретать положительные черты. Из хитрой, алчной авантюристки, девушки легкого поведения, способной пойти по трупам к своей цели, она превратилась в милое существо. Оставалось только понять, стоит ли доверять графу Рашфарту да разобраться кто она на самом деле – ангел воплоти или сатана в юбке, послан на головы «невинных» мушкетеров и герцога Бэкенгема. С другой стороны предстал перед глазами Федора и Атос. Благородный граф д’Ля Фер оказался на самом деле не таким уж и благородным. Меншиков вдруг вспомнил казнь Миледи в романе и ужаснулся. Он вдруг осознал, что у женщины даже не было возможности защититься. О какой уж презумпции невинности говорить, когда на тебе ополчились четыре мушкетера да Лилейский палач. Только теперь, слушая рассказ графа Рашфорта, Федор узнал, что все события развивались чуточку иначе, чем они были переданы в мемуарах гасконца.

Дочь ордынского казака Пестеля – Шарлота родилась в ту самую пору, когда по всей Европе начались восстания против старой власти. Ей чуточку повезло, и она угодила появиться на свет как раз в тот момент, когда во Франции наступило временное затишье, как раз в самом начале нового века. Девушка слишком быстро осиротела. Ее мать, женщина знатного рода и имевшая вес в обществе, стала жертвой очередного мятежа, что вспыхнул в тот год в городе Лель. Понимая, что служит в синей орде и воспитывать девочку временно он не сможет, казак Пестель, отдал ее на воспитание в монастырь кармелиток, с надеждой, что ему ее удастся забрать лет через пять. В четырнадцать лет, Шарлота узнала, что ее отец погиб под стенами Каркассона. Утешитель нашелся сразу. Им оказался настоящий соседней деревеньки. Почему тот так поступил, ни Шарлота, ни Рашфорт не знали. Силой или уговорами (граф точно сказать не смог), но монах соблазнил четырнадцатилет-

нюю девушку, сделав из невинного создания любовницу. И неизвестно, сколько бы длилась эта греховная связь, если бы слухи не дошли до главы протестантов. (Тут Меншиков уточнил, кого граф имел в виду под протестантами, сославшись, что теперь ничего не понимает). Рашфорт рассмеялся и объяснил, что это реформаторы церкви, именующие себя на современный лад не иначе как – католики.

– Как бы там не было, но священник вынужден был бежать. Его брат – лилейский палач был вынужден отправиться на его происки.

В результате их обоих поймали. В тюрьме, не выдержав мук совести (в это Меншиков что-то верил с трудом) священник повесился. Шарлоту изнасиловали охранник. Воспользовавшись тем, что они были пьяны девушка бежала.

– Я лично убил бы на дуэли того графа, что «пригрел» ее, – вскричал вдруг Рашфорт. Вспышка гнева была импульсивной. – Он обещал на ней жениться. Пару раз воспользовался ей, а потом, пригласив на охоту, попытался повесить Шарлоту на дереве. Он поспешил, уехал. А проезжавший мимо дворянин вынул ее из петли. Привез в Ля Рашель. Только там выяснилось, кем она была.

– А как же служба у кардинала? – Спросил Федор.

Граф Обочин улыбнулся.

– Я с ней познакомился лет пять назад в Ля Рашели, – проговорил он. – Прибыл туда по делам и неожиданно наткнулся на нее. Влюбился, как дурак, но было уже поздно. Шарлота, чтобы выжить в этом безумном мире и избежать злословия, вышла замуж за боярина Зимина.

– Вы влюблены в нее, граф? – Удивился Меншиков.

– Увы.

– И что же произошло в Ля Рашели пять лет назад, Рашфорт?

– Вече решило, что мы с боярыней должны отправиться в Париж.

– А зачем?

– Видишь ли, граф, – проговорил Обочин, снимая с вертела курицу. – Мы знали, что католики не остановятся. Они не успокоятся до тех пор, пока хотя бы один ордынец будет топтать их страну. – Рашфорт хихикнул: – Они забыли, что их руководители это потомки все тех же ордынцев. Только они в отличие от нас, что на вершину пирамиды ставят доблесть и честь, предпочитают золото и власть. То самое золото, что когда-то украшало купола русских соборов. Мы знали, что Ля Рашель не оставят в покое. Мы готовились. Часть ордынцев собиралось покинуть Францию. Некоторые предпочли земли Ангелов, часть Ямарику. Но уходят, хотя правильнее сказать бегут, не все. И среди этой горстки смельчаков, если нас можно так назвать, есть те, кто готов отстаивать свои родной город, до последней капли крови, до последнего вздоха.

Меншиков понял, что Рашфорт не шутит. Слова для дворянина явно не были пустым звуком.

– Вече решило, что мы должны оттянуть это событие, хотя бы лет на пять-шесть, а тогда к нам придет помощь из земель ангелов. Мы сможем противостоять Ришелье, и только тогда нам удастся занять свою автономию и стать вольным городом. Городом последних казаков континентальной Европы. Для выполнения этой миссии нужны были люди, и они нашлись.

– Вы, Рашфорт и боярыня? – задал свой вопрос Меншиков.

Граф утвердительно кивнул.

– Нам удавалось удерживать агрессию, то тут, то там плетя различные интриги. Это мы посоветовали кардиналу подобрать Людовику супругу из ордынской династии.

– Анну Австрийскую?

– Да. Вот только женщина, это мы узнали потом, оказалась довольно строптивая.

– Не продолжайте, граф, – проговорил Меншиков: – но я могу предположить, что она закрутила отношения с представителем англичан, – Федор впервые ангелов назвал известным в его время именем, – лордом Бэкингемом.

– Именно с ним. Она называла его так. Мы же именовали его просто – король из орды.

Путешественник понимающе кивнул. Не удивительно, что слово орда трансформировалась у картавого Людовика XIII в лорда, а титул, что использовался в провинциях Монгольской империи в слово – Кинг. Что значила буква «Бэ» в титуле оставалось только гадать. Может быть обозначение Белой Орды, а может быть порядковый номер. Вот тут Меншиков задал вопрос, а как же король Якоб, что будет править правил в будущем, когда Карл I будет казнен, а Кромвель низложен? Существовал ли он на самом деле? Или это была просто перестановка слов с глотанием окончания? Ну, ведь могли же сказать якобы король? Да и имя короля Карла напрашивалось само собой к расшифровке, что он был первым не ордынским правителем, после Бэкингема. Вот только как самодержец он оказался никаким! Иначе не свергнут, был бы впоследствии народом, ведомым Кромвелем. После смерти Бэкингема мир на Британских островах закончился.

– Бэкингом, очарованный Анной Австрийской все испортил. Он уже сейчас готов начать экспедицию к вольному городу. Его корабли стоят в Лондонском порту под парусами и ждут приказа. Нам с миледи срочно нужно было отправляться в Ля Рашель. Терять времени было нельзя. Кардинал подумывал отправить шпионку в Польские земли.

Меншиков удивленно взглянул на Рашфорта. Граф понял, что его приятель не понял о чем идет речь и пояснил:

– Там сейчас находится второй претендент на Французский трон. Видишь ли, мой друг, Людовик лично собирается возглавить армию, а это во все времена было опасно.

– Так Миледи уехала в Польшу?

– Нет, она уехала на несколько часов раньше в сторону Ля Рашели. Мне пришлось чуточку задержаться. И виной всему – ты, д’Мане.

– Я?

– Увы, да. Я не мог тебе оставить одного в Париже. Тем более в таком виде.

Рашфорт замолчал. Посмотрел в сторону и произнес:

– Эжен, ты подготовил одежду для графа?

Стоявший все время в тени с узелком слуга Рашфорта, поклонился и молвил:

– Да, сударь.

Он сделал пару шагов вперед. Остановился. Поставил узелок на землю и развязал. В нем оказались черные, до колен, штаны, камзол, а так же белая рубашка, чулки. Пока Меншиков все это примерял, Эжен принес плащ и широкополую шляпу. Когда же Федор попытствовал насчет сапог, Рашфорт развел руки в сторону и произнес:

– Увы, второй пары у меня нет. – Затем взглянул на Меншикова, улыбнулся и добавил: – А ваши-то ботфорты, чем вас, граф, не устраивают?

Меншиков взглянул на сапоги и согласился с графом. Через минуту он оделся. Накинул плащ, взял в руки шляпу. Обе вещи вызвали отвращение, их не хотелось надевать, но Рашфорт настоял:

– Одевайте, граф, без них вам в городе будет не выносимо. И запомните.

Дворянин встал.

– Когда вы будете здороваться с дамой, отводите шляпу в сторону. Вот так.

Рашфорт сделал реверанс. Получилось довольно красиво.

– По крайней мере, так меньше воняет. Увы, но Франция медленно и верно скатывается в тартар. Французы воняют, как свиньи. Вам, граф, как жителю Московии этого не понять. Небось, в остальных странах, что лежат между Русью и Францией, люди куда более культурные и не выливают отходы на головы проходящих мимо прохожих.

Меншикову вспомнились слова профессора Преображенского из «Собачьего сердца». Он невольно улыбнулся. Рашфорт оценил его улыбку по-своему.

– Раз уж вы, граф поняли, что к чему, то теперь можно и перекусить. Снимайте свой плащ и шляпу, да присоединяйтесь к трапезе.

Дворянин разломил курочку на две части, одну протянул Федору. Взглянул на Эжена и произнес:

– Любезный, принеси вино.

Слуга поклонился и пошел к карете, пока он возился, Рашфорт неожиданно проговорил:

– Видишь ли, мой милый друг, я тут подумал вот о чем. Я вас вытащил из Парижа, теперь вот везу в Ля Рашель, а вам это, граф, нужно ли? Может быть, у вас есть другие планы? Я вас не тороплю, д'Мане, но вы должны выбрать, как собираетесь дальше поступать.

Слуга принес две бутылки вина. Протянул Рашфорт, тот раскупорил и взглянул на Меншикова:

– Ну?

В костре трещал хворост. На темном небе светила одинокая луна. Рядом, накрывшись плащом, спал Рашфорт. Эжен, дремал на козлах кареты, надвинув на лицо широкополую шляпу. У костра, прижавшись к огромному мушкету, сидел Меншиков. Ружье ему вечером подал граф Обочин.

– Вы думаете, граф, что мне удастся с помощью этой махины, – Федор указал на ружье, что держал в руках Рашфорт, – отбиться?

– Отбиться? – Уточнил граф. Меншиков кивнул: – Думаю, что вряд ли, – сказал Рашфорт. – Да вот только мушкет вам не во врагов стрелять. Вряд ли одного выстрела будет достаточно, чтобы отпугнуть человека десять-пятнадцать, а вот разбудить меня вполне достаточно. А там уж дело техники. – Граф коснулся рукой эфеса шпаги. Увидел удивленные глаза приятеля, пояснил: – Будет вам известно, д'Мане, но я первая шпага в этой провинции.

Оспаривать этого Меншиков не стал. В отличие от графа шпагу до своего путешествия в прошлое не держал. В первое свое путешествие с Путятиным взяли мечи, так как надеялись в ледовом побоище поучаствовать, но не получилось. В этой «реальности» о князе Александре Невском даже не слышали.

– Ну, раз все ясно, граф, то берите мушкет и приступайте. Я потом вас сменю. Надеюсь, вы умеете обращаться с этой штукой?

Обращаться с мушкетом ни разу не приходилось. Меншиков предполагал, что не сложнее, чем с обычным ружьем. Подошел к графу и взял мушкет. Выругался. Оно все же оказалось тяжелым и как потом выяснилось непривычным. Рашфорт посчитав, что подобных в Московии просто нет, вынужден был продемонстрировать. До выстрела дело не дошло, оказалось, достаточно было только одной теории. Затем похлопал Федора по плечу, пожелал удачи и завалился спать. Путешественник хотел было посоветоваться с Эженом, но тот уже дремал на козлах.

– Вот такие пироги, – прошептал Меншиков.

Прежде чем, заняться возложенной миссией, Федор сбегал до кустов. Отыскал там ветку и сделал из нее нечто наподобие биты. Уж с чем с чем, а с ней он обращаться умел. Ее хватит для того, чтобы нанести хоть какие-то увечья. Сам же Меншиков в душе надеялся, что ночь пройдет спокойно и к ней, как и к мушкету прибегать не придется.

Вот и сидел он у костра. Рассуждал. С одной стороны у него сейчас была куча возможностей. Во-первых, вернуться к самолету и отправиться домой. Вот только Меншиков не для этого сюда прилетел, чтобы вот так вот сразу вернуться. Все приготовления, как и в первое с Мишкой путешествие, были в таком случае напрасны. Во-вторых, он мог вновь попытаться свое счастье в Париже. Тут тоже были два варианта. В первом случае он должен был идти

сейчас, пока не отъехали они с графом довольно далеко, а во втором нужно было опять же вернуться к машине времени и совершить путешествие. Либо в прошлое, либо в будущее. Вот что только выбрать Париж XVI века или XVIII? Но к обеим эпохам Федор был не готов. Повторять ошибку, совершенную сейчас, ему не хотелось. Да и денег, не говоря уж о золоте, что было у него вначале приключения, уже не будет. Монеты, что дал Рашфорт либо устареют, либо еще не будут существовать. Короче неприятностей опять не избежать. В-третьих, можно было отправиться в совершенно иной город, но в одиночку. Можно, но стоило ли? Граф уже доказал, что эта затея не такая уж безопасная. Для начала нужно хотя бы фехтование освоить. Сражаться на шпаге, если уж не как Рашфорт (Меншиков понимал, что до такого уровня нужны, как минимум годы), то, по крайней мере, как человек способный защитить свою честь в сложной ситуации. Вот отчего и оставалось четвертое, а именно ехать с гугенотом в Ля Рашель.

Рассуждения прервал Рашфорт. Дворянин выспался, ему хватило всего лишь несколько часов. Он поднялся, взглянул на Федора и произнес:

– Теперь ваша очередь, граф.

– Я принял решение, Рашфорт, – проговорил Меншиков.

– Какое?

– Я еду с вами в Ля Рашель, но...

– Но?

– Есть одно условие.

– И какое же?

– Вы должны научить меня обращаться со шпагой, а то я боюсь вот с этим, – Меншиков продемонстрировал биту, – я долго не проживу.

– Сейчас и начнем?

– Нет, граф. Вы как хотите, а я бы хотел выспаться. Тем более что у вас такая возможность уже была.

– Спите, мой друг, – проговорил Рашфорт и рассмеялся.

Неизвестно как прошла ночь, но, по крайней мере, выстрела из мушкета Федор не слышал. Не оттого, что спал довольно крепко, а скорее всего потому, что на них так никто и не решился напасть.

Весь день ехали они лесом. Карета то и дело подпрыгивала на ухабах. Федька еле сдержался, чтобы не ляпнуть: А говорят в России дороги самые плохие. Сдержался и правильно сделал. Зато на одном из ухабов его в карете так трянуло, что он ударился головой об крышу. Выругался. Рашфорт взглянул на него и улыбнулся.

– Привыкайте, это же окраина империи. Тут все дороги такие. Небось, граф, скучаете по родине?

– Скучаю, – признался Меншиков.

– Ну, ничего, вот приедете в Ля Рашель, глядишь и надумаешь на родину вновь вернуться.

– Да я вообще-то и не спешу.

– А если в войне завянешь?

– Буду драться как истинный казак.

– Похвально. Вот только придется, как я посмотрел, тебе многому еще научиться. Хоть ты и из Московии, а с местным оружием обращаться не умеешь. Небось, к дамасскому привычен, да только такое редко в этих краях сыщешь. Но, с дубиной, – Рашфорт кивнул на биту, – ты, я погляжу, обращаться умеешь.

Граф хотел было, что-то еще добавить, но тут раздался выстрел. Карета резко затормозила, и Федор полетел вперед. Успел, выставит руку, иначе ударился бы головой. Граф Рашфорт выругался:

– Вот только этого нам, екарный бабай, нам и не хватала.

Вытащил из ножен шпагу и приоткрыл дверь. Меншиков взял битую и тоже приготовился.

– Ну, что там, граф? – Спросил Федор.

– Гости. Человек десять. В основном крестьяне. У одного ружье, а у остальных косы да... – не договорил. – Вот только нас по ходу дела теперь двое. – Рашфорт указал на стену кареты, на которой выступало огромное кровавое пятно. – Убили, по ходу дела, нашего кучера. А теперь, граф, давайте решим нашу проблему.

Рашфорт выскочил из кареты, за ним Меншиков. Замерли и стали осматривать разбойников. Действительно, отметил Федор, человек десять. Один с мушкетом, остальные вооружены, чем попало. Больше похожи они на любителей, чем на профессионалов. Меншиков вдруг усмехнулся. Может шпагой и другим холодным оружием он в совершенстве не владел, но кое-какие навыки каратэ имел. Тому заслугой были фильмы. Сто раз он пересмотрел китайские кинокартины. Особенно был восхищен умением Брюса Ли, отчего в последние школьные годы старался подражать ему. Записался в спортивную секцию. Теперь у него был шанс проверить свои навыки на практике. Меншиков как-то даже и не задумался, что этот шанс может оказаться первым и единственным.

В сражение с головой. Первый нападающий отлетел от удара дубинкой под дых, второго он ударил с разворота, третий получил по голове и тут же свалился. Тот, что с мушкетом вдруг сделал ноги. Меншиков на секунду остановился и огляделся. У Рашфорта так же не было проблем. Граф Обочин делал выпад за выпадом, отправляя соперников к праотцам. Наконец он разделался с пятым. Причем элегантно. Перерезал тому легким движением шпаги веревку, что держала на том штаны. Те свалились. Рашфорт залился смехом, он даже не опасался, что соперник его атакует. Явно, что разбойнику было не до него. Тот подхватил обеими руками брюки и со скоростью марафонца устремился за своим приятелем с мушкетом.

Меншиков с Рашфортом хохотали от души. Наконец граф Обочин хлопнул Федора по плечу и произнес:

– А с дубинкой ты неплохо обращаешься. Неужели все детство в монастыре провел? Только там учат защищаться с помощью палок и посохов.

– Было дело, – промямлил путешественник, понимая, что правду говорить нельзя. Все равно Рашфорт ему не поверит. Не дай бог сочтет его за сумасшедшего. А Меншикову это надо? Да нет, конечно же.

– И все же придется, тебя, научит со шпагой обращаться, – проговорил граф, повернулся и посмотрел на кучера. – Мда, что же нам теперь делать? Ты умеешь с каретой обращаться? – Потом рукой махнул в отчаянии: – Ну, даже если и не умеешь, то я тебя научу.

Возражать Меншиков не встал. Взглянул на кучера и вздохнул. Пуля попала тому в грудь. Камзол был в крови, и осталось только порадоваться за покойного, что тот умер не мучаясь.

– Как воин, – прошептал Федор.

– Что? – спросил Рашфорт, поворачиваясь к Меншикову.

– Погиб, говорю, как воин.

– Ну, это ты, брат, загнул. Хотя с другой стороны, уж лучше так, чем в постели да от старости.

Дворянин подошел к разбойникам, что были обезврежены Федором. Сначала склонился над одним, затем над другим, потом над третьим, и наконец над четвертым. Покачал головой.

– Жить будут, но связать необходимо, – проговорил.

– Не всех, оставь не связанным одного. – Молвил Меншиков.

– Это еще зачем?
– Пусть он нам, Эжена похоронит. Нельзя уезжать, не придав его земле.
– Это ты, граф, верно подметил. Вот только которого?
– Вон того, что худого.
– Так и сделаем. Я пока их связывать буду, ты заряжай пистоль. Будешь, его на мушке держать, пока он копать будет.

Меншиков кинулся к карете и остановился.

– А чем копать-то? – Полюбопытствовал он.
– Там лопата должна валяться под сидением, на котором мы с тобой сидели, – проговорил Рашфорт, приступая к связыванию поверженных врагов.

Пока Меншиков заряжал пистоль, да искал лопату, связал всех четверых. Затем, привел худого разбойника в чувства, и произнес:

– Сейчас могилу копать будешь, – молвил он, когда тот начал озираться по сторонам.
– Кому? – Прошептал разбойник и побледнел, решив, что могила эта предназначена ему.

– Кучера нашего хоронить будешь.

– А если я откажусь?

– Откажешься, могилу будут рыть твои товарищи, но уже не только кучеру, но и тебе.

Разбойник побледнел. Меншиков кинул ему лопату. Она вошла рядом с ним в землю.

Затем Федор навел пистолет.

– Хорошо, – согласился разбойник.

Рашфорт развязал руки. Тот тут же схватил лопату.

– Здесь, копай, – приказал граф и рукой показал под одинокое дерево.

Разбойник кинулся туда и начал копошиться.

– Да не спеши ты, – проговорил граф Обочина, – времени у тебя достаточно.

Он направился к карете, забрался на козлы. Стащил тело Эжена и подтащил к дереву.

Затем вернулся и занял место покойного на карете. Выругался:

– Что же вы, сволочи, карету-то мне испортили. Эх, убить вас – мало.

Спрыгнул, подошел к Меншикову и прошептал:

– Не по-христиански это конечно, но нужно срочно уносить ноги. Так что забирайся в карету, но пистолета с разбойника не своди.

– А, вы?

– А я на козлах поеду. Потом поменяемся, когда от этого места достаточно далеко отъедем.

Федор, пятась, забрался в карету. Высунул пистоль из окна. Граф Рашфорт забрался на козлы.

– Но, – прокричал дворянин и хлестнул лошадей плеткой.

Карета дернулась и покатила. Меншиков еле удержался на ногах. Зато разбойник удивленно проводил взглядом отъезжающий экипаж, продолжая капать землю. Наконец, когда карета скрылась за поворотом, в сердцах плюнул. Кинул лопату. Подбежал к трем своим приятелям и развязал им руки.

– Ушли гугеноты, – прошептал он.

– Да и бог с ними. Ты продолжай копать.

– Зачем?

– Своих придадим земле, – проговорил старший разбойник.

– А этого? – Худой кивнул на кучера.

– Пусть валяется. Волки съедят.

Таврена «Le vieux pigeonnier»

На пятый день путешествия, когда до Ля Рашели, осталось всего-то несколько верст, небо затянулось тучами, и пошел проливной дождь. Дремавший внутри кареты граф Рашфорт проснулся. Выругался и высунулся из кареты.

– Граф, – проговорил он, прикрываясь рукой, – у нас ничего другого не остается, как остановиться в каком-нибудь придорожном трактире и там переждать. К тому же я, как, скорее всего, и вы граф, сильно проголодался, и нам бы стоило слегка подкрепиться.

Меншиков кивнул. Заметил ли это Рашфорт, понять было трудно. Он вновь скрылся в карете и терпеливо ждал, когда Федор притормозит перед каким-нибудь постоялым двором.

Все эти дни, они управляли каретой по очереди. Вечерами делали паузы и отдыхали. Во время таких перерывов Рашфорт учил д'Мане владению шпагой. С каждым разом граф все больше и больше восхищался Федором. Тот учился, словно играючи и накануне, прежде чем началась непогода, он восхищенно произнес:

– Скоро вы, граф, превзойдете своего учителя. Надеюсь, что те знания кои я вам дам, вы не примените против меня?

Меншиков поклялся, что и не подумает поднять оружие против такого благородного человека, как граф Обочин.

– И не такой уж я благородный, – проговорил Рашфорт: – И за мной имеются прегрешения. – Тяжело вздохнул.

Когда же тренировки им надоедали, граф готовил ужин. Пока трапезничали, Рашфорт требовал, чтобы д'Мане рассказал о себе.

– Да, что обо мне рассказывать, – вздыхал Федор, – я ведь обычный путешественник, отправился в дальние страны ради поиска приключений.

– Вот только не верится мне, граф, что это вас толкнула в столь дальнюю дорогу.

– О, да были на то причины. – Проговорил Меншиков. – Московия сильно изменилась. Была великая смута, что коснулась столицу. Погибли многие, в том числе и основная ветвь Рюриковичей. К власти пришли Романовы.

– Экая незадача. Выходит, истребили под корень семя христово?

– Выходит. – Вздохнул Федор.

– А как же Пожарские? Шуйские?

– Так пьяная голытьба не допустила Пожарского к власти. На вече, подговоренные патриархом Филаретом, проголосовали за Михаила Федоровича Романова, который патриарху сыном приходился.

– Романовы, Романовы? – Прошептал Рашфорт: – Что-то я не припоминаю такого боярского рода на Руси. Явно не ордынцы. – Вздохнул, печально взглянул на Федора: – Откуда они взялись-то?

Меншиков пожал плечами.

– Говорят, что во Владимирскую Русь пришли они с запада.

– Из Европы что ли?

– Из нее. Хотя сами утверждают, что из земель Новгородских.

– Брехня. Предки мои были из земель Ярославских, а там о Романовых и не слышали.

– Может они фамилию поменяли? – Сделал предположение Федор.

– Ну, и какая у них до этого фамилия была?

– Кабыла, Шавяга, Жеребец, Елка, Ивантей, Гавша, Кошка и на худой конец Трусов.

– Трусов, – Рашфорт задумался, – ну, тогда может быть. Просто так такие фамилии не дают. Вот меня ведь прозвали здесь Русская крепость, а почему?

– Почему?

– Так в драке меня не каждый одолеет. Крепок я здоровьем, да и умом. А был бы я трус – так точно бы Трусом окрестили. Нет, ту не бывает дыма без огня. Да вот только среди Рюриковичей никогда Трусовых не было.

– А Захарьины? – Спросил Федор, припомнив, что в роду Романовых, были люди с такой фамилией.

– Еретики! – Вскричал граф. – Да знаешь ли ты, граф д’Мане, что именно Захарьины подтолкнули Ивана Васильевича жениться на Византийской царевне – Марфе?

Федор удивленно взглянул на Рашфорта.

– Вижу, что не знаешь. Так вот запомни, да детям своим расскажи, что именно эта самая Марфа Собакина и свела нашего императора с пути господня. Возведя во главу угла не смелость и храбрость, а алчность и жадность. – Граф вдруг задумался: – Кошкины говоришь? – Федор кивнул. – Точно, слышал я об одном Кошкине и до нас слухи докатились. Жил он еще при Первом Иване Васильевиче (Меншиков уточняет, кто такой этот Первый не стал, опасаясь, что не поймет его граф) и прозвище носил – Кощей. Мне еще бабка про него сказки рассказывала. Жаден был. Над золотом говорят, чах. Выходит, мир действительно с ума сошел. – Рашфорт поднялся и стал ходить. Мельтешил у Федора перед глазами. Вдруг остановился, закрыл глаза и Федор понял, что тот что-то вспоминает. Неожиданно граф присел на корточки.

– Вспомнил, – проговорил он. – Кощей тот действительно был из земель белой орды. Так, что правы те, кто утверждают, что Романовы пришли с запада. Эх, раньше у нас еще теплилась надежда, что придут орда да утихомирят смутьянов. Наведет порядок, как было это лет двести назад. Вразумит наместников. А вон как все вышло. – Граф взглянул на Меншикова пристально: – Вот что, мой друг, – проговорил он, – ты, когда в Ля Рашель приедешь об это ни-ни. Не надо у людей последнюю надежду отымать.

Поговорили, ночь в чистом поле провели, а nasledующий день в путь выдвинулись. И тут незадача погода, как на грех испортилась.

Меншиков гнал лошадей, как угорелый. Хлестал что есть мочи, и все же не получилось. Застряли. Рашфорт тут же выбрался из кареты. Обошел ее по кругу и сказал:

– Вот дьявол!

Затем направился к лошадям и стал распрягать.

– Что вы делаете, граф? – Поинтересовался Меншиков, спрыгивая с козел.

– На лошадях дальше поедem. Карету оставим тут. С ней ничего не случится. Как только прибудем в Ля Рашель, пошлем за ней людей.

– А разбойники?

– Разбойники? – Граф рассмеялся. – Тут разбойников нет. Здесь власть все еще у ордынцев, а мы, будет вам известно, д’Мане, придерживаем порядок. Без порядка в этих местах не выживешь, сами видели.

Распряг лошадей. Пошел к карете распахнул дверцу и вытащил небольшой сундук. Закрепил на седле. Притащил мушкет, прицепил сбоку, забрался в седло и взглянул на Федора.

– Поехали, граф, иначе простудитесь.

Постоялый двор они увидели издали. На лице Рашфорта появилась улыбка.

– Еще немного, – прокричал он, отставшему товарищу: – и у нас будет еда, вино и теплая постель.

Меншиков нагнал его у дверей серого, сложенного из необтесанных камней здания. Остановил лошадь и огляделся. Слева от дверей, ведущих в трактир, деревянные столбы коновязи. Справа вывеска. Она покачивалась на ветру, и трудно было что-то прочитать. Само

здание двухэтажное, с покатою крышей, покрытой черепицей. Недалеко колодец, на ворота привязанное деревянное ведро, до краев наполненное водой.

Федор прыгнул с лошади, вынул из кобуры, что была прикреплена к седлу пистоль, подаренный Рашфортом. Сначала привязал свою лошадь к коновязи, как сделал это граф, затем подошел к вывеске и стал рассматривать. Сколоченная из гладко выструганных досок, она была вся в грязи, как будто кто-то кидался в нее. Меншиков пригляделся и рассмотрел латинские буквы. Прочитал вслух:

– «Le vieux pigeonier».

Граф, стоявший в этот момент у колодца, повернулся и произнес:

– По-русски – «Старая голубятня».

Федор удивленно взглянул на него и Рашфорт, после того, как сделал глоток из ведра, пояснил:

– Когда-то здесь была голубятня, но потом ее снесли. Из камней, предприимчивый француз сделал трактир. Причем стоит отметить, – подмигнул граф, – один из лучших в этих окрестностях.

Поставил ведро на край колодца. Подошел к двери и отворил:

– Прошу вас, мой друг, – проговорил Рашфорт, пропуская Федора вперед.

Меншиков сделал шаг и оказался в просторном зале, с высоким потолком, на стенах которого горели факелы. На скрип двери тут же среагировал хозяин, который в этот момент о чем-то беседовал с двумя посетителями. Он попросил у тех извинения и направился на встречу к гостям.

– Чем могу служить, господа, – начал, было, он, но признав Рашфорта, замолчал. Кивнул. Рукой приказал следовать за ним. Меншиков удивленно взглянул на товарища, но тот ничего не захотел пояснять.

Они прошли через весь зал, и Федор осмотрел посетителей. В основном это были крестьяне. Вряд ли с них торговец мог иметь какой-то доход. Через несколько минут путешественник убедился в своей правоте.

Поднялись на второй этаж. Прошли по длинной лестнице, что была вдоль стены, и вошли в комнату, посреди которой стоял массивный, скорее всего, дубовый стол и несколько резных стульев. Меншиков непроизвольно коснулся спинки. Единственная кровать, огромный сундук, что стоял под окном. Камин, в котором горели сучья.

– Ваша комната, граф, – проговорил хозяин. – Доставить ужин? – Уточнил он.

– Будьте любезны, – молвил Рашфорт, снимая плащ и вешая на медный гвоздь, что торчал из стены. Туда же последовала шляпа. Поставил ларец на стол, взглянул на трактирщика, тот не собиравшись уходить. Стоял в дверях и что-то ждал. – Чего тебе, Годо? – Поинтересовался граф.

– Как обычно?

– А можете чем-то новеньким угостить? – вопросом на вопрос ответил Рашфорт.

– Увы, нет.

– Так чего же спрашиваешь, Годо.

Меншиков ожидал, что тот сейчас поклонится и скроется за дверью, предварительно закрыв ее, но этого не происходило. Трактирщик явно что-то выжидал, что именно Меншиков понял уже через минуту, когда граф запустил руку в камзол и достал кашель. Расстегнул его и положил на стол несколько серебряных монет. Лицо Годо перекошилось, и Федор понял, что тот рассчитывал, хотя на более большую сумму.

– Учитывая, что ты нам сейчас принесешь, – проговорил Рашфорт, – так этого даже много.

Хозяин сгреб монеты и запихнул в карман. Тут же закрыл дверь и до Федора донесся топот ног Годо по деревянной лестнице. Меншиков подошел к единственному окну. Вме-

сто стекол была вставлена слюда. Открыл окно. Холодный ветер ворвался в комнату. Федор попытался взглянуть в пейзаж. Увы, но в такую погоду ничего толком разглядеть было невозможно.

– Закройте окно, граф, – раздался голос Рашфорта. – Раздевайтесь и присаживайтесь. Сейчас любезный хозяин нам принесет – *cuisses de grenouille*.

– Что это такое, граф? – Спросил Меншиков, снимая плащ и ища глазами, какой либо крючок (тот же медный гвоздь) на который можно было бы его повесить.

– Минуточку терпения, сударь, и вы сами узнаете. Но хотите знать мое мнение, д'Мане, то мне *cuisses de grenouille* не нравится. Я бы предпочел, что-нибудь традиционное.

– Это почему? – Уточнил Федор, наконец-то нашедший рядом с камином еще один гвоздь.

Ответить Рашфорт не успел. Дверь распахнулась, и на пороге появился Годо с подносом в руках. На лице его сияла улыбка.

– Ваш ужин, господа, – проговорил он, ставя его на стол.

Меншиков повесил плащ и шляпу. Подошел. Оглядел то, что принес трактирщик и фыркнул. Он ожидал увидеть что-то необычное, а увидел лишь куриные лапки да несколько бутылок с вином.

– Приятного аппетита, господа, – проговорил Годо и, пятась, вышел из комнаты.

Пока Рашфорт наливал вино в бокалы, Меншиков сел на стул. Протянул руку к ножке и надкусил. Куриные ножки, как ножки. Вот только скорее цыплячьи уж больно они были маленькие.

– Ну, и как вам лягушачьи лапки? – Неожиданно спросил граф, протягивая ему глиняную кружку.

– Лапки? – Переспросил Федор.

– Они самые. Вот только лично я никак не пойму, зачем этим торговцам, пришло в голову придумывать такое экзотическое название – *cuisses de grenouille*. После того, как оборвались связи с центром, а в Европе началось деление на мелкие княжества, достать хорошие продукты стало довольно сложно. Вот и едим все, что шевелится. Докатались до того, что лягушек стали разводить, как курей.

Меншиков еле сдержал улыбку. Он знал одну державу, в котором едят все, что шевелится, и это не Франция и уж тем боле не европейское государство. Это был Китай. Страна, у которой, как считалась, была тысячелетняя история. Теперь в этом Федор сомневался. Он вновь взял одну из лапок и запихнул в рот. Пока жевал, понял, что мясо пресноводного напоминает ему курицу-гриль.

– А вообще-то ножки очень даже вкусны, – говорил между тем Рашфорт, – и это несмотря на то, что Годо пожарил не так, как принято в Ля Рашели. Там обычно, после того, как лапки зажарят до золотистой кожицы и смешают с луком и чесноком, их заливают красным вином. Потом еще минут пять, и подают на стол. Пальчики оближешь. Кстати, граф, а в Московии их едят?

Меншиков, не знал ели ли лапки лягушат в России в этом столетии. Вполне возможно, что да. Вот только уверенности у Федора не было. Он поднес ножку ко рту и замер. Посмотрел на графа Обочина и уверенно заявил:

– Нет.

Меншиков решил, что вряд ли тот будет проверять правдивость его слов, а если и встретит какого-нибудь русского из Московского царства, так решит, что в тех местах, откуда был д'Мане, вполне возможно лягушачьи лапки и не едят.

– И так, граф, – продолжил Рашфорт, когда вино в бутылках стало подходить к концу: – выбирайте, где будете спать. Роскошное ложе или сундук у окна?

– А разве тут нет второй кровати? – Полюбопытствовал Федор.

– Нет, конечно. Обычно в комнате живет дворянин со слугой. Дворянин спит на кровати, слуга на сундуке. Но мы оба знатного рода, так что нужно выбрать, кто будет спать на сундуке. И я, граф, предоставляю вам право.

– Мне все равно, сударь. Сундук так сундук.

Рашфорт улыбнулся.

– Выходит на сундуке придется почивать мне, – проговорил он. Федор удивленно взглянул на графа. – Это мое решение, граф, – молвил между тем Обочин, – и обжалованию, увы, не подлежит.

Он встал. Пошатнулся и направился к сундуку. Попытался прилечь и понял, что сундук для него маловат.

– Незадача, – пролепетал Рашфорт, взглянул на Федора. – Гнать вас с кровати я не буду. Выбрал сундук, так зачем менять решение. – Он подошел к столу, сдвинул его к стене. – Посплю на полу. Не привыкать.

Отыскал в сундуке подушку, как предположил Федор, набитую соломой. Бросил в угол. Снял со стены свой плащ. После чего улегся на пол, преграждая проход, и им же укрылся. Тут же захрапел. Меншиков только подивился спокойствию графа.

Путешественник встал. Пододвинул стул к столу и продолжил трапезу. В отличие от Рашфорта, Меншиков не наелся. И будь оно не ладное, бургундское пришлось ему по душе. Федор уже решил, что по возвращению из Ля Рашель к машине времени обязательно прихватит пару корзин с этим вином. Где он возьмет карету, Меншиков сейчас даже не задумывался. Наконец Федор взял последнюю лапку, что лежала на тарелке. Съел. Потом запил вином и невольно рыгнул.

– Как же я устал, – проворчал он.

Снял камзол, повесил на стул. Стащил ботфорты, поставил тут же рядом. Затем, пошатываясь, подошел к канделябру и затушил свечи. В комнате наступил полумрак. Взглянул на камин, в котором догорали сучья, и подошел к окну. Распахнул ставни и вдохнул ночной воздух. Чихнул. Выругался и тут же захлопнул. Направился к кровати. Потрогал рукой матрас, подушку. Хозяин явно не баловал посетителей. Ткань грубая, а начинка, скорее всего, все та же солома. Вот то выбирать путешественнику не приходилось, ведь последние дни спал он в основном на земле, подложив под голову, свернутый камзол. Плащ в дороге Меншиков использовал в качестве одеяла.

Вот только поспать Меншикову, нормально не получилось. Проснулся Федор из-за шороха, выругался. Когда такое бывало, чтобы из-за шорохов просыпался. Открыл глаза и осмотрелся. Рашфорт сидел у приоткрытого окна.

– Что-то случилось, граф? – Поинтересовался Меншиков, протирая глаза.

– Тихо, граф. Мушкетеры.

Федор поднялся с кровати, и, стараясь не создавать шума, подошел к окну. Высунулся из-за спины графа Обочина. Обомлел. К постоялому двору, несмотря на царившую ночь, чеканя шаг, шли солдаты. В темноте трудно было понять, гвардейцы кардинала это были или мушкетеры короля. Шли они почти беззвучно. Выдавал их приближение шум колес лафетов.

– Пробираются, как воры, – прошептал Рашфорт.

– Откуда вы решили, что это мушкетеры, граф? – полубопытствовал Меншиков.

Граф прекратил смотреть в окно, повернулся к Федору лицом и удивился:

– А кому еще быть?

– Гвардейцам кардинала.

– Вы шутите, граф? Гвардейцы личная гвардия. Находятся в основном в Париже и в войнах не участвуют. Изредка дерутся с мушкетерами на дуэлях за право именоваться первыми во Франции. Это конечно не нравится кардиналу. Но на большее они не способны.

В войнах, а осада Ля Рашели, это война. Вы думаете, граф, что за стенами города обычные горожане-гугеноты, не способные в руках оружие держать? Так вот вы сильно, д'Мане ошибаетесь. Городской гарнизон состоит из отборных ордынцев, способных малым количеством удержать огромные армии. Вы когда-нибудь слышали о царе Леониде и его трехстах спартанцах?

– Фермопилы. Не помню, в каком году до нашей эры это было, – прошептал Меншиков.

– Вы это о чем, граф?

– Да я о том, что Фермопилы были еще до рождения Иисуса.

Рашфорт рассмеялся. Тут же рукой захлопнул рот.

– Кто вам сказал эту ересь?

– Я в книгах читал, – признался Меншиков.

– Уж не в еретических ли, что были написаны Скалигером?

Ну, не мог Федор Рашфорту сказать, что книги те были написаны Карамзиным, Соловьевым и прочими учеными из будущего графа. О Жозефе Жюстине Скалигере Меншиков был неслышен достаточно, особенно в свете изучения Новой хронологии. Если до первого с Мишей Путятиным он считал, что Новые хронологии были лженаукой, то теперь уверенно мог заявить, что тот же Скалигер на самом деле был отчаянным фальсификатором. Вполне возможно, что родился он в двадцать первом веке, из него бы вышел прекрасный писатель фантаст. Но, увы, этого не произошло. Поэтому, Федор кивнул и прошептал:

– Скалигером.

– О как все запущено, – пробормотал Рашфорт, и Меншикову вдруг показалось, что тот сейчас схватится за голову. – Забудьте все, что вы прочитали в этих еретических книгах. А я-то думал, с чего это русич, вот так вот в наглуую едет в Париж, где ордынцев готовы убивать. Ладно, сейчас не до ваших глупых подвигов, д'Мане.

Меншикову в пору было обидеться на графа, но он прекрасно понимал, что в чем-то Рашфорт был прав. Ведь не подготовившись, сунулся в неизвестную эпоху. Ладно, первое путешествие, так ведь нет. Были до этого путешествия с Путятиным и Сашковым.

Между тем, напротив постоянного двора, мушкетеры стали разбивать лагерь. Они чуть-чуть не дошли до пруда, в котором бликами отражалась луна. Началась возня. Застучали топоры. Появились палатки. Вспыхнули костры, и в воздухе повеяло тревогой. Несколько офицеров, что на лошадях ехали сбоку от колонны, отделились от общей массы и направились к постоянному двору.

– Вот только этого нам не хватало, – прошептал Рашфорт.

– Опасаетесь, что Годо нас выдаст католикам?

– Католикам, – граф рассмеялся, – правильнее сказать реформаторам. Нет, Годо этого не сделает. Это честный малый. Он конечно, как и все любит деньги, но предавать, ни за что не будет. Не в его правилах зарабатывать на свою жизнь человеческими жизнями. Тихо, граф. Давайте лучше послушаем, что там происходит.

Рашфорт замолчал. Стало слышно, как дверь на постоянный двор скрипнула. Оба графа встали так, что теперь им все хорошо стало видно. Рашфорт приоткрыл окно.

Из дома вышел Годо. Поклонился сеньорам и поинтересовался, чем он может служить.

– Комнаты, обед и пару девиц, что смогли бы развеселить нас после долгого марш-рута! – Проговорил один из офицеров, спрыгивая с коня. Он тут же подал поводья своему товарищу и тот поспешил к коновязи, в надежде, что им хватит на ней места.

– Обед и комнаты – это, пожалуйста, а вот маркитанток у меня нет. Неужели у такой армии, – трактирщик указал на бивак мушкетеров, – нету своих.

– Говорил я вам, сударь, – проговорил один из офицеров, обращаясь к тому, что разговаривал с трактирщиком, – что нужно было прихватить мадам д'Шеврез.

– Довольно меня подкалывать, мой милый кузен, – проговорил офицер. Затем взглянул на Годо и спросил: – Так с комнатами и обедом проблем не будет?

– Не будет, сир, – проговорил трактирщик, вдруг осознавая, кто перед ним.

– Вот и славно, а теперь ведите нас внутрь любезный.

– Будьте, как дома, сир. – Пролетел Годо и попятился спинок в проем двери, постоянно кланяясь.

Когда вся эта толпа скрылась внутри, Меншиков посмотрел на бледного Рашфорта и спросил:

– Что с вами, граф?

– Знаете ли вы, сударь, кто сюда приехал с войсками? – любопытствовал Обочин.

– Откуда, граф.

– Это сам французский дофин – Людовик XIII, со своим кузеном герцогом Анжуйским.

Меншиков как-то в толк взять не мог, почему короля Людовика XIII, граф назвал дофином. Ведь Федор прекрасно знал, что дофин – титул наследника французского престола. А ведь Людовик XIII и так уже был королем Франции. Озарение пришло неожиданно. Шальная мысль заставила Меншикова испугаться. Неожиданно он понял, что истинным правителем Франции мог являться кардинал Ришелье, или того хуже правитель Московии – Михаил. Вот только в Ля Рашели не знали, что власть в центре империи сменилась, и по-прежнему именовали наместника в отдаленной провинции на свой манер – дофин, хотя для других жителей Франции тот уже являлся законным правителем.

– Как же все тут запутанно, – прошептал Федор.

– Тихо, граф. Не хватало, чтобы нас народный король услышал. Отсидимся здесь до утра, а там поскачем в Ля Рашель. Предупредить мы не успели. Я рассчитывал, что это произойдет куда позже, но ошибся. Зато сможет присоединиться к осажденным. А там глядишь, и герцог Бэкингам со своими солдатами поможет.

В последнее Рашфорт (по интонации в голосе Меншиков понял) и сам не верил.

В дверь тихо постучали. Граф подошел к столу и взял, лежавший там пистолет. Рукой показал на дверь и проговорил:

– Открывайте, граф. Я думаю, что это свои, но все же – рисковать не хочу.

Меншиков подошел к двери и отодвинул запор в сторону. Она тут же распахнулась. На пороге стоял Годо. Он хотел, что-то сказать, но Рашфорт его опередил.

– Armii Ludowej? (1) – Проговорил Обочин, Меншикову вдруг показалось, что произнес он это с польским говором.

Трактирщик кивнул. Вошел в комнату и захлопнул дверь.

– Их предводитель с братом остановился под вашей комнатой. Я бы, господа, – проговорил он, – посоветовал бы вам погреться у камина. Ночи сейчас довольно холодные.

Рашфорт понимающе кивнул. Меншиков удивленно глядел на Годо, не понимая, зачем трактирщику заботиться об их комфорте, когда внизу находился такой щедрый человек, как король Франции. Тут бы вокруг того юлой вертеться, да угождать.

– Я распоряжусь, чтобы утром ваши кони были готовы, – проговорил трактирщик и повернулся к двери.

– Спасибо, друг. Я тебя не забуду.

– Боюсь, что это наша с вами последняя встреча, граф, – вдруг сказал Годо. – Они серьезно настроены и не уйдут из этих мест пока не уничтожат всех ордынцев. Боюсь, Ля Рашель падет.

– А как же ты, Годо?

– А, что я? Выпутаюсь. Пока я им нужен живым, а как будет возможность, уйду в Испанию, а оттуда, глядишь, в Ямарику подамся.

Трактирщик ушел. Рашфорт закрыл дверь на запор и подвинул стул к камину. Потом указал рукой на второй стул и прошептал:

– Берите второй стул, граф, и присаживайтесь. Только, чур, сидите тихо.

Меншиков тут же вспомнил эпизод из трех мушкетеров. Теперь все стало на свои места. Теперь понятно, отчего Годо советовал им посидеть у камина и греться.

– Дорогой мой кузен, – раздался из камина голос Людовика. – Я считаю себя униженным. Я и предположить не мог, что супруга моя благоверная – Анна готова вступить в союз с Бэкингом, против меня и ради того, чтобы последняя ордынская твердыня, оставшаяся на нашей земле, была свободным городом. Этого нельзя допустить, кузен.

– Неужели вы, сир, чувствуете себя греческим монархом, у которого Парис увел Елену.

Правитель Франции рассмеялся.

– О нет, я не – Менелай. Да и Ля Рашель не Троя. Да и Анна, мой кузен не Елена. Тем более она в Париже, а не за стенами крепости, которую мы собираемся с вами взять. Пока Ля Рашель будет ордынским городом, на земле Французской никогда не будет спокойствия. Он как бельмо на глазу. Отсюда идут наши беды и мятежи. Но запомни, мой любезный кузен, что в данный момент промедление с осадой и взятием города смерти подобно.

– А как же Карл I?

– А, что Карл? – Удивился правитель Франции. – Он всего лишь марионетка в руках Бэкингема. Не будет Бэкингема, и он сойдет с политической арены. На его трон уже много желающих.

– Как и на ваш, сир.

– Я знаю, мой любезный кузен. Знаю. И знаю, что первыми в этом списке вы, герцог Анжуйский, да кардинал. Но запомните, пока я жив, вы на мое кресло будете алчно смотреть и облизываться. А теперь, герцог, давайте лучше выпьем. Говорят местное вино очень хорошее. – Монарх вздохнул. – И все же жаль, что мы не захватили мадам д'Шеврез.

– А ведь я вам советовал, сир. Кстати, сир, а что вы намериваетесь сделать, после того, как возьмете Ля Рашель?

– Тех жителей, что откажутся признать меня верховным правителем Франции, прикажу повесить. Монофокон такая хорошая штука. – Людовик рассмеялся.

Между тем Рашфорт побледнел. Он уже собирался уйти, как вдруг монарх приказал позвать писаря. Тот тут же появился в комнате, где остановились офицеры.

– Черт, – выругался граф. – Нельзя нам здесь утра ждать. Сейчас выезжать нужно.

Он встал, направился к двери и слегка приоткрыл.

– Вот незадача, – проговорил Рашфорт, – через дверь нам не выйти. Сразу привлечем к себе внимание. Там полно людей Людовика. Нужно через окно. – Прикрыл дверь, взглянул на Меншикова и поинтересовался: – Ты, граф, готов со второго этажа прыгнуть?

– Если нет выбора, так почему бы и не прыгнуть.

Рашфорт подошел к стене. Кинул Меншикову плащ и шляпу. Федор поймал их, пока граф одевался, да прятал за пояс пистолеты, натянул ботфорты. Прикрепил к поясу шпагу и произнес:

– Я готов!

– Вижу, – проговорил Рашфорт и направился к окну, но прежде чем его распахнуть, затушил свечи. Затем отворил ставни, залез на подоконник и прыгнул вниз. Приземлился на ноги и отошел в сторону. Стал ждать д'Мане. Тот не замедлил появиться в окне. Его силуэт был прекрасно виден в свете луны. – Скорее, граф, – проговорил Рашфорт в надежде, что Меншиков его услышит.

Федор прыгнул. Приземлился удачно.

– А теперь к коням, нам нельзя терять времени.

– А как же Годо? – Вдруг вспомнил про трактирщика путешественник.

– А ему ничего не грозит. Он сделает вид, что не знал, кто у него снимал комнату. А уж тем более не ведает, почему мы именно таким образом покинули его заведение. Но впрочем, сейчас не до философии, нужно к лошадям.

Они бегом, прячась за кустами, добрались до коновязи. Пока Рашфорт отвязывал своих лошадок, Меншиков ножичком надрезал седла у офицерских коней. Такую фишку он видел в одном из фильмов. Вскочившие в седла всадники, тут же с них слетят. Граф Рашфорт обратил внимание и прошептал:

– А это ты здорово придумал, дружище. Пусть попытаются нас догнать. А теперь по коням.

Оба вскочили в седла. Рашфорт прищипорил коня и ускакал вдаль, следом за ним спешил Меншиков.

Ля Рашель

О грядущей осаде в Ля Рашели знали, а вот, что враг в нескольких верстах от городских стен никто не догадывался, иначе не смогли бы приятели попасть внутрь крепости так спокойно.

Они влетели в городские ворота. Рашфорт не слезая с лошади, потребовал к себе начальника караула. Солдат удивленно взглянул на графа и задал только один вопрос:

– А вы собственно кто такой?

– И это ордынцы, – прошептал Рашфорт. Еле сдержался, чтобы не ударить охранника. Сжал зубы. Потом улыбнулся и произнес гордо: – Граф Обочин известный так же как Рашфорт.

Служивый побледнел. О графе Рашфорте он явно был наслышан.

– Я сейчас сбегая за капитаном городской стражи, – проговорил он.

– Это потом, а сейчас закрой двери, дурень. Враг у городских стен, а у вас ворота нараспашку. А если бы это был не я, а один из мушкетеров короля?

Охранник тут же вскинул мушкет. Ему в голову пришла мысль, а если перед ним действительно не граф Рашфорт, а какой-нибудь чужеземец, который решил воспользоваться именем офицера. Обочин рассмеялся. Запустил руку за пазуху камзола и вытащил бумагу. Ткнул ей в лицо служивого и приказал:

– Читай!

Охранник взял бумагу. Пробежался по ней глазами и вновь побледнел. Затем взглянул на Меншикова и спросил Рашфорта:

– А это кто с вами?

– Это мой приятель и угрозы, в отличие от мушкетеров, не представляет. Так что закрывай двери и зови сюда капитана.

Служивый тут же кинулся выполнять приказ. Он скрылся за дверью, ведущую внутрь башни, а вскоре за спиной Меншикова раздался скрежет. Федор невольно повернулся и посмотрел на ворота. Они медленно, со скрипом закрывались. Это произвело на путешественника неизгладимое впечатление. Когда створки сомкнулись, стала опускаться стальная решетка. И тут раздался голос, заставивший Меншикова вздрогнуть. Федор тут же прекратил смотреть, как закрываются ворота, и взглянул на капитана.

На офицере был военный камзол – кожаный джеркин, широкие панталоны. Ноги обуты в сапоги со шпорами. На голове широкополая шляпа с высокой тульей, поля которой загнуты кверху, да к тому же украшенные, как предположил Федор, страусовым пером. Из-под кожаного джеркина выглядывал плюсовый воротник. Офицер снял с головы шляпу и выполнил реверанс. И только тут Меншиков обратил внимание, что прическа у гугенота была совершенно иной. Она больше походила на стрижку под горшок. В Париже людей с такими волосами Федор не встречал. Те, что попадались (и даже Рашфорт) носили длинные волосы,

зачесанные со лба в одну сторону. Щеки у офицера были гладко выбриты, но бороду эспаньолку тот носил. Ни каких излишеств, что присутствовали в фильмах о мушкетерах, просто не было. Меншиков предположил, что прическа и отсутствие аксессуаров и огромной перевязи, было только из-за того, что офицер, как и все люди в городе, являлись потомками последних ордынцев в этой провинции.

Офицер взял бумагу из рук графа Рашфорта, прочитал ее и проговорил:

– Господа, прошу следовать за мной.

Подошедший с офицером, солдат взял лошадей путников под узды.

На той стороне ворот капитана ждала серая лошадь и несколько всадников с факелами в руках. Капитан вскочил на лошадь, и вся эта процессия поскакала к ратуше. Меншиков то и делал, что крутил головой по сторонам. Немцы, англичане и американцы делали во время Второй Мировой Войны все, чтобы от старинного ордынского города ничего не осталось. Постарались, конечно же, и французы, исправляя неправильную свою историю. Федька вдруг поразился той мысли, что единственный город, не пострадавший за все это время был Каркассон. А может быть, этот город был отстроен намного позже? А тот, в котором жили катары, был просто стерт с лица Земли. Действительно это было так или это было одно из предположений, Меншиков не знал.

Узкие темные улочки. Дорогу освещаю только факела стражи. Впереди двое, позади двое. Между ними капитан и два графа. Остановились около ратуши. Капитан спрыгнул с лошади и бегом вбежал по лестнице, застучал что есть мочи в двери. Через минут пять, после долгой возни с той стороны, она распахнулась. На пороге стоял привратник.

– Прибыл человек из Парижа. – Проговорил капитан. – Обстоятельства складываются так, что необходимо срочно собрать совет города. Нужно послать за мэром.

– И что это необходимо делать – на ночь глядя? – Поллюбопытствовал старик в темно-синем плаще.

– Необходимо! – Твердо заявил офицер. – Не время разглагольствовать, когда враг всего в нескольких верстах от города.

Старик побледнел, пропустил посетителей внутрь, а сам тут же отослал посыльного, что спал в соседней от входа комнате, к мэру и прочим важным господам города.

Примерно через час в просторном зале ратуши собрались представители всех сословий. Меншиков сидел рядом с Рашфортом и разглядывал присутствующих. Особенно его интересовали женщины, вернее сказать одна. Это была Миледи. Девушка была в мужской одежде. Черный костюм, сапоги ботфорты, шпага. Волосы забраны в пучок, а шляпа, в которой Миледи пришла, висела на вешалке вместе с остальными.

Ее муж, боярин Зимин, сидел по правую руку от мэра, и явно обладал весомым голосом в делах города. Как истинный патриот он и сейчас, не смотря, что наряд привлекал к нему сильное внимание, Зимин не отказался от традиционных русских одежд. Поверх рубахи, украшенной шитьем, был одет парчовый кафтан, длиною до колен. Застегнут он был персидским кушаком, на котором висели ножик и ложка. Поверх него ферязь из дорогой шелковой материи, подбитое мехом и обшитое золотым галуном. На ногах парчовые, отчего-то ярко-зеленого цвета, портки, а так же сапоги с заправленными в них онучами.

Сам мэр, как и остальные представители муниципалитетов в основном одеты по европейской моде. Несмотря на дождь, что еще продолжался снаружи, в основном в туфлях, лишь только у троих Федор, заметил сапоги.

Рашфорт коротко изложил сложившуюся ситуацию. Рассказал о событиях произошедших накануне, а затем поинтересовался, как собираются поступить горожане. Первым взял слово мэр. Он встал с кресла, которое больше напоминало царское ложе. Подошел к окну, за которым уже забрезжил солнечный свет и молвил:

– Дела неважные, скажу я вам. События развиваются достаточно быстро, чтобы хоть что-то предпринять. Будь у нас больше времени, мы смогли бы подготовиться основательно к осаде. Собрали бы урожай, но, увы, этой возможности у нас теперь больше нет. Да и с рыболовным промыслом в последнее время начались проблемы. Кардинал приказал уничтожать наши корабли, выходящие в море. Одна надежда на Великого хана и его армаду.

Меншиков невольно вздрогнул. Он ведь прекрасно помнил, что жители осажденного города надеялись на британского герцога Бэкингема, а ни как уж не на русского царя. Об этом писал тот же Александр Дюма в своих романах: «Три мушкетера» и «Людовик XIV». Что-то не сходилось. Мысль о том, что Великого хана в летописях записывали еще и как Бэкингема, пришла в голову позже, когда он уже вернулся из своего путешествия. Федор видел, что Рашфорт, при упоминании правителя Империи хотел, что-то сказать, но сдержался и промолчал. А между тем мэр продолжал:

– Боюсь, что запасов продовольствия, что у нас есть, хватит на несколько. Вот и приходится уповать на Монгольские орды, что, наверное, уже сейчас спешат нам на помощь.

Федору стало понятно, что о событиях, произошедших в центре Империи, тот ничего не знал. Он хотел было встать и взять слово, но рука графа легла на его плечо.

– Не надо, граф, – прошептал Рашфорт, – зачем в людях убивать последнюю надежду. Пусть думают, что придет помощь и тогда с верой, что придет спасение, и орды Великого хана уничтожат еретиков, будут еще храбрее защищать свой дом. Тем более, граф, вы сами видите, что продовольствия, благодаря ранним действиям армии Людовика, запасы у нас не так уж и велики. Дайте нам возможность выиграть время, а тогда мы уж что-нибудь сами придумаем.

– Вы хотите убить Луи XIII?

– Убить народного короля, так же глупо, как справлять нужду против ветра. Это отсрочит сдачу города на небольшой срок. Граф, вы считаете, что Луи великий полководец, способный поставить на колени свободолюбивый народ?

Меншиков кивнул.

– Увы, граф, но вы ошибаетесь. Во Франции только один человек способен по-настоящему управлять всем сбродом, что стоит сейчас по ту сторону городских стен.

– Кардинал?

– Вы сами ответили на свой вопрос, граф. Именно кардинал и является тем человеком, кто координирует боевые действия. Это он Великий полководец, а ни как уж не Луи. Именно его смерть спутает карты еретиков. Но довольно. Давайте лучше не отвлекаться.

– Нам лишь нужно продержаться, – повторил мэр и замолчал. Оглядел присутствующих.

– Мне бы хотелось узнать, – обратился вдруг к нему Рашфорт, – точную информацию о продовольствии и боеприпасах. О количестве фуража, зерна, рыбы. Ведь рыбу же солили впрок, господин мэр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.